

ПЕРЕКРЕСТОК ОДИНОЧЕСТВА 4

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕМ МИХАЙЛОВ

Крест

Дем Михайлов

**ПереКРЕСТОк
одинокчества – 4. Часть 2**

«Автор»

2023

Михайлов Д.

ПереКРЕСТок одиночества – 4. Часть 2 / Д. Михайлов —
«Автор», 2023 — (Крест)

Заключительная книга цикла

© Михайлов Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая. Долгий путь к чужому кладбищу...	5
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дем Михайлов

Перекресток одиночества-4: Часть вторая

Глава первая. Долгий путь к чужому кладбищу...

Когда человека хотят обмануть или скрыть от него что-то важное, то либо отмалчиваются, отделяясь короткими односложными фразами, либо же говорят безостановочно, перегружая твой мозг обилием ненужной информации. Луковианец по прозвищу Чифф не умолкал уже третий час.

Я спокойно слушал и пока никак не оценивал его говорливость, понимая, что его возраст и радость от встречи нового собеседника, само наше местоположение и слегка напряженная от этого атмосфера на борту дают о себе знать.

Чифф выглядел полубезумным знаменитым профессором. Особенно с его носом картошкой, стоящими дыбом пегими волосами, самодельными очками и чуть нездорово блестящими за стеклами глазами, окруженными паутиной глубоких морщин. Облик дополняла клетчатая теплая рубаша с заплатами на локтях, меховая жилетка, обшитые мехом старые джинсы и красно-белые новогодние носки с оленями, выглядящие чуть ли не новыми. Чифф снял сапоги, как и все мы, а дорожные тапочки лежали на полу под его широким и явно личным коачным местом, требующим особого и более чем подробного описания.

Величать себя по прозвищу, а не по неназванному им имени он потребовал сразу же после нашего знакомства, попутно пояснив, что так его прозвали один уже умерший русский, как-то заявив, что луковианец говорливый и дерганый как от чифирия. С тем землянином общались три десятка лет, пока он не покончил жизнь самоубийством, предпочтя этот исход мучительной агонии из-за раздражающих левый бок многомесячных болей. А прозвище прижилось и луковианцу понравилось – он носил его в память о умершем друге.

Чифф был из тех, кто готов разговаривать сутками, но ни слова не сказать лично о себе и своих нуждах или проблемах. Эта та порода людей, кто, сидя на твоей кухне, слушает твое же нытье о всяких житейских мелочах вроде наоравшего начальника или вечно недовольной жены, утешает тебя, говоря, что все будет хорошо, а потом, скажем через пару месяцев, выясняется, что твой добрый слушатель скончался в ближайшей больничке от терзавшего его годами рака мочевого пузыря...

Я люблю послушать умных людей, а Чифф был не только умен, но еще и обладал пытливым характером, неумной энергией и способностью обходиться аскетичным бытом. Такими раньше были первые исследователи и путешественники, оставившие после себя обширные путевые заметки, что до сих пор читаются не только захлеб и с восторгом, но и с легким таким пугливым вопросом – а я бы так смог? Жить в лошадином седле, пить из луж, месяцами спать в клоповниках, не знать одиночества, сталкиваться с опасностями каждый день... Я немало прочел таких сейчас порой полузабытых книг. Взять хотя бы записи Гарина Николая Георгиевича, Пржевальского Николая Михайловича, Арсеньева Владимира Клавдиевича, Федосеева Григория Анисимовича и многих других талантливейших людей. Я немало прочел таких книг. А сидящий напротив меня Чиф... он, пожалуй, и сам мог бы свободно написать пару подобных произведений, где все до последней буквы правдиво и при этом порой пугает до коленной дрожи...

Впрочем, здешние бытовые и житейские условия были повыше аскетичных, но местность, кою мы сейчас неспешно преодолевали, следуя в кильватере за гусеничным вездеходом-бульдозером, была как раз из разряда «пугающих до коленной дрожи». Но внутри влекущей нас машины тепло и достаточно уютно, пара имеющихся окон задернута плотными

шерстяными шторами, в руке зажат стакан чая с медным подстаканником, а спокойная и интересная речь Чиффа заставляет забыть обо всем неприятном вроде того ледяного ущелья снаружи.

Машина была не моя – ее я оставил в родном Убежище, велел использовать ежедневно. За нее был в ответе Сергей Благ. Помимо меня здесь находилось еще двое землян из моей экспедиционной команды – радист Касьян Кондратович и бородатый Филимон. Первый отвечал за регулярные сеансы связи с базой, а Филимон, как всегда, с удовольствием трудился по хозяйству, в свободное время сидя с кружкой рядом с печуркой и внимательно слушая наши разговоры. ЛуковIANцев было трое в нашей машине и еще пятеро сейчас находились в головном бульдозере. Небольшая экспедиция упорно двигалась вперед со скоростью медленно идущего человека. Иногда мы начинали двигаться назад – когда передней машине требовалось больше пространства, чтобы разгрести разбитые ей ледяные и снежные валы. Там впереди, помимо луковIANцев, тряслась сейчас и Милена. Я сам не слышал, но Касьян Кондратович по большому секрету шепнул, что уходила девка с боем, буквально не дав лидеру Замка никакого выбора. В головной машине она сейчас тряслась из желания понаблюдать за механизмами считай самодельного бульдозера, построенного луковIANцами почти с нуля.

Оба транспорта видали виды, но поддерживались в отличном состоянии, что было заметно буквально по каждой мелочи внутри салона и открытой моему взгляду кабине, где находились двое водителей. Третий луковIANец большую часть времени проводил рядом с Филей. Мы путешествовали уже третьи сутки, так что у них было время сдружиться. Касьян Кондратович спал на спальной полке над моей головой. С нашей стороны нары двухэтажные, а напротив что-то вроде буквы «Н», где горизонтальная черта была кроватью Чиффа, а под ней приткнулся заваленный старыми книгами, бумагами, моделями вездеходов, кусками шестеренок и прочими вещами металлический стол с парой ящиков и вдвинутой под столешницу постукивающей при движении табуреткой. Каждый сантиметр пространства внутри этого перечеркнутого кроватью пенала был занят каким-нибудь приткнутым предметом, схемой, чертежом или рисунком. Там же покачивалась на гвозде винтовка, а в одном из углов плотно закрепили «икебану» – влитая в прозрачный материал веточка с тремя почти распустившимися розовыми бутонами.

Остальная часть салона вместила в себя еще спальные места, дровяную печь-плиту, несколько закрытых шкафов и вешалок с зимней одеждой. Здесь все продумано до малейшей детали. Нет неиспользованного пространства. Даже под потолком закрепили большие сети из шерстяных веревок, прекрасно удерживающие на себе медвежьи шкуры, запасную одежду, какие-то свертки и все прочее легкое, но объемное. А я вот не додумался – но исправлю эти недочеты сразу по возвращению.

А сейчас мы направлялись к месту, красиво названному Станция Пытливость. До него оставалось еще пара часов хода, деталей об этой промежуточной маршрутной точке я пока не знал, но узнать и не стремился, зная, что все увижу сам, а пока лучше послушаю Чиффа...

– Там у нас я тоже был профессором. И здесь им остался – уже не в первый раз повторил старик, разминая левое колено – Здесь понятно никаких академий и учебников нет и в помине. Все приходится познавать самостоятельно. Но я к каждому дню и даже часу стараюсь относиться так, что он проходил либо в познании, либо же в учительстве. С вами вот сейчас разговариваю – и сам учусь и вам быть может чем-нибудь полезным оказаться сумеем. Порой слушаю я людей, слушаю, а они все жалуются на те сорок лет одиночной отсидки в тюремном кресте. Я удивляюсь! Как они нашли время скучать?! Для меня те сорок лет пролетели в мгновение ока! И ведь столько всего не успел... а как жалею, что со столькими умными людьми общение потерял! Эх! Я бы не отказался вернуться туда на десяток годков – при условии, что не растеряю умственных сил и жажды познания. Да и не все языки еще доучил – вот эстонский, киргизский и чукотский языки хромают!

– На русском вы говорите лучше моего. И при этом говорите естественно – как говорят обычные люди – заметил я – И я не слышу ни малейшего акцента. Браво. Все сорок лет прошли в познании и учительстве?

– Я делился чем мог – и люди со мной делились с радостью. Знаешь... за пару дней до того, как сюда угодить, я очень крупно поспорил со своим старшим коллегой. Мы чуть по-разному смотрели на жизнь. Он больше гнался за материальными благами и титулами. И меня корил, что я хожу в одних и тех же штанах годами и что не вылажу из пыльных библиотек. Деньги у меня всегда водились, но я их тратил только на книги – которые прочитывал, запоминал важное и тут же раздаривал соседям. Он меня все уговаривал скататься с ним и его семьей на море и заодно побывать в разных для нас знаковых и памятных местах. Еще он предлагал свою помощь в постройке уютного жилища для моей будущей семьи... Я с ним был в корне не согласен! Я всегда был уверен, что упор в первой половине жизни надо делать исключительно на совсем иное! Жизнь надо постигать! Вот куда силы тратить надо! Знаний набираться – и причем знаний различного спектра, включая практические навыки... В общем с коллегой мы во мнениях так и не сошлись. Он ушел обиженным и еще помню крикнул, что однажды я пойму, что зря потратил годы на познание бесполезного – да будет уже поздно, ведь лучшие годы позади. М-да... мы с ним так больше и не свиделись. Я угодил сюда и... только накопленные знания мне и помогли в тюремном кресте! – откинув голову, Чифф весело и молодо рассмеялся, хлопая себя по размятому колену – Вот ведь как бывает! А ты как считаешь, Охотник? На что надо делать упор в жизни? Семья? Наука? Что-то иное?

– Сочетать все это в разумных пропорциях? – предположил я – Так ответит любой обычный человек.

– Но ты ведь необычный, верно? Иначе не сидел бы сейчас здесь...

– Ну...

– Но ты и не влюбленные в материальные блага дурачок. Нет... я наслышан о тебе и твоих делах. Ты человек практичный, деятельный, трезво оценивающий свои силы и возможности. Ты не боишься рисковать и не страшишься навлечь на себя гнев... Ловко ты свистнул ту батарею я тебе скажу... Как выражаются в твоей родной стране – после этого у многих наших знатно подгорело в одном месте...

– Не слишком красиво вышло, конечно – хмыкнул я.

– Как по мне – так вполне красиво и даже дерзко – Чифф снова рассмеялся – Я как только узнал обо всем, а в те дни я был как раз на станции Пытливость, так сразу и заявил – он нам и нужен! Ведь, как говорится во многих и наших и ваших историях, умелый и проворный вор всегда в цене. Особенно если вор очутился в королевстве стариков, а сам он еще молодой, сильный и даже не тупой.

– Королевство стариков – медленно повторил я – Звучит мрачно.

– Мрачности тут никакой нет, Охотник. Тут радость. Ведь хороша или плоха была наша жизнь, что подошла к своему стариковскому рубежу... но она была длинной и все еще продолжается. А сколько молодых не сумела перешагнуть за рубеж тридцатилетия? Лично мне – старому, но еще не уставшему от жизни луковянцу – есть чему радоваться. Как и многим другим! Поэтому нет никакой тут мрачности звучания. Мы старики – и этот факт, который необходимо признать. Возможно, я мудрее и умнее тебя, Охотник.

– Это почти несомненно.

– Рад, что ты всегда оставляешь хотя бы толику сомнения – улыбнулся Чифф – Но при этом я уже стар и немощен. Я все еще твердо держусь на ногах, я могу нести не слишком тяжелый рюкзак, могу даже вырубать дрова из-под снега, когда нужно. Но это, пожалуй, мой максимум – как и для большинства из жителей нашего стариковского королевства. Мы находимся в той ситуации, когда глаз видит – да зуб неймет. Так говорите вы. Так теперь говорим и мы – ведь луковянцы переняли очень много от вашей и от других культур. Вернись я сейчас на род-

ную планету – и мне покажутся дикостью их взгляды на жизнь. Но не будем отвлекаться... нам старикам не хватает той обычно столь часто не замечаемой физической быстроты – сейчас я говорю как о движении, так и о скорости рефлексов. Но самое-самое главное – нам не хватает дерзости и смелости принять самостоятельное независимое решение. Вечно мы старики в чем-то не уверены и все медлим да медлим, норовя больше советоваться, чем предпринимать конкретные шаги. Возможно, мы настолько стары, что просто устали и боимся ошибаться. Ты читал книгу о Маугли? Там старый волк совершает прыжок...

– Акела промахнулся!

– Верно... старый волк промахнулся. А ведь не прыгни – так и промаха бы не было! Вот и мы старики медлим во всем, ну а если выбора не осталось и приходится прыгать, то дряхлый прыгун прыгнет слишком поздно или слишком слабо... Скорость, сила, дерзость, готовность принять нешуточные риски, готовность рубить с плеча и сносить головы врагов с плеч – вот чем отличается молодые вроде тебя от таких стариков как мы. И вот почему без этой свежей крови наше стариковское королевство обречено на погибель – сделав небольшую паузу, Чифф, задумчиво рассматривая набросок лошади на стене у изголовья своего «гнезда», спросил – Будешь спорить с этим утверждением?

– Нет. Так было и так будет – в любой сфере жизни. Старикам нужна сила и дерзость молодых, тогда как им не хватает стариковской осторожности и мудрости.

– Верно. Молодежи нужна осторожная мудрость, а старикам необходима молодая дерзость. Именно так людские поколения на протяжении развития всех наших цивилизация дополняли друг друга в совместном бесконечном выживании. При этом старики не только сдерживали своим авторитетом, но и обучали тех, кто позднее сам состарится и станет их преемником, впитав перед этим чужую мудрость, к которой добавит собственную нажитую прозорливость и не забудет поделиться всем этим с новыми молодыми поколениями.

– Портные обучают портняжек...

– Все так. Вот только в нашем стариковском королевстве нет и не будет портняжек – Чифф помрачнел – Пусть к нам и приходят новые поколения, но они столь же седые, как и мы сами. Не бывать молодому пытливому блеску в стариковских усталых глазах, а в их душах не бывать смелой безудержной дерзости, что не только толкает порой на почти верную смерть, но и помогает выжить в безнадежных ситуациях. Ты знаешь что ждет тебя там за станицей Пытливость, Охотник. И ты все же вызвался...

– Ну... во-первых, я уже не настолько молод и блеск в моих глазах поукас. Дерзость сменилась расчетливостью – чему я только рад. А насчет «вызвался» – я медленно покачал головой – Я никуда не вызвался. Пока я хочу лишь побывать в месте со столь пугающим названием как Ледяная Душегубка, осмотреться и оценить свои силы и возможности. Если пойму, что еще не готов – продолжения не будет.

– Разумно – кивнул старый луковIANец – Разумно... Вот только ты забыл спросить сколько уже раз по пути туда я слышал ровно такие же слова, Охотник.

– И сколько?

– Никак не меньше семи раз, если мне не изменяет память – вздохнул Чифф и потянулся к висящей на стене тряпичной лоскутной сумке. Достав из нее толстую тетрадь в клеенчатом переплете, он открыл ее примерно посередине, пробежался взглядом по странице и кивнул – Да. Я не ошибся. И все те, кого я сопровождал к Душегубке... все они спокойно глядели мне в глаза и уверяли, что не собираются бездумно рисковать и намереваются трезво оценить свои силы. Они были людьми разными. Людьми из трех различных планет и трех различных цивилизаций. Они были разных возрастов и разных полов. Не было у них практически ничего общего. Но теперь появилось. Догадываешься в чем они теперь одинаковы?

– Все они не вернулись?

– Правильно, Охотник. Все эти трезвые рассудительные люди так и не вернулись. Всех их сожрала непроходимая Душегубка. А знаешь почему они погибли?

– Переоценили свои силы?

Чифф грустно улыбнулся:

– Нет. Свои силы они оценили верно. А вот Душегубку недооценили сильно. И их трудно за это винить – проклятая ледяная мясорубка хорошо умеет скрывать свои зазубренные клыки и выглядеть как невинный весенний цветок. Ты можешь глядеть на нее часами – но она затаится и не шелохнется. Однако стоит сделать пару шагов внутрь... и ее челюсти сомкнутся, забирая еще одну жертву. Поэтому не надо оценивать свои силы, Охотник. Ты мужик молодой, сильный и ловкий. Что тут оценивать? Ты оценивай саму Душегубку. И думай о ней не как о гиблом месте, а как о живом, коварном и очень подлом существе желающим твоей смерти...

– Благодарю за совет – тихо произнес я, задумчиво откидываясь на вибрирующую стенку вездехода – Благодарю за совет...

* * *

Станция Пытливость была примерно тем, что может представить себе немного знающий о Арктике человек – скоплением частично занесенных снегом построек, вытянувшихся в самом верху достаточного крутого склона. Сначала мы поднялись на гребень вставшего у нас на пути длинного холма, откуда я через стекла кокпита и увидел станцию, отсюда выглядящую как зажегшееся на несколько мгновений и потухшее скопление белых и желтых тусклых огней. Как только вызванный коротким разговором по рации свет угас, мы снова двинулись за головным вездеходом, быстро преодолевшим очередной спуск. Оторвавшись от нас, бульдозер тяжело покрутился на дне ложбины, пробивая проход, после чего неожиданно отошел в сторону и потушил бортовые огни. Мы прошли в паре метрах от тускло освещенного кокпита, ответив кивками на кивки.

– Тут заносов нет – пояснил стоящий рядом со мной Чифф, как и я держащийся за спинку водительского кресла – Можем подняться и сами.

– Разумно – произнесла сидящая в правом кресле Милена, вернувшаяся к нам несколько часов назад и все еще продолжающая делать заметки несмотря на тряску и раскачивания машины – Чтобы не рисковать обеими транспортами и на случай эвакуации со станции?

– Вы очень прозорливы, юная леди – благожелательно улыбнулся Чифф, нашедший в лице Милены еще одного благодарного слушателя – Не кладите яйца в одну корзину и не загоняйте вездеходы в одну лузу... Удачно я выразился?

– Не совсем – хмыкнул я – Но суть мы уловили. Ого...

Гусеничная машина ходко пошла вверх, вгрызаясь стальными траками в снег. Вскоре стало ясно, что старый луковианец не ошибся – мы вполне справлялись сами, оставляя за собой ровный след. Огни не горели, и мы поднимались почти в полной темноте, а когда поднялись выше гребня, оставшегося позади холма, то пересекли зыбкую границу между тьмой и светом от Столпа.

Не удержавшись, я покинул кабину и, придерживаясь за специальные скобы и веревочные петли, осторожно шагая по наклонившемуся салону, добрался до задней части машины, где имелось небольшое квадратное окно. Там я чуть потеснил что-то бормочущего Филимона и тоже прикинул к стеклу.

Столп...

Он был далеко. Впервые так далеко. Так далеко от Столпа я не был еще ни разу – даже когда находился внутри летающего тюремного креста. Его бормотливый тоскливый шепот продолжал привычно пульсировать в ушах, а сам ледяной колосс продолжал оставаться более чем внушительный, но все же панорама изрядно изменилась и стала куда более фантастичной

и угрюмой одновременно. Отсюда очертания невероятного создания просматривались куда отчетливей – порой расстояние решает многое. Длинные застывшие щупальца, нижняя часть мешкообразного тела...

– Жутковато, да? – прошептал Филимон, толкая меня кулаком в плечо – Вот прямо аж кишки подрагивают пугливо в брюхе... Подрагивают?

– Подрагивают – подтвердил я, говоря чистую правду.

А что еще можно испытать, глядя на подобное существо? Там вморожена в лед не щука и не палтус. Там застыл в ледяном плену монстр способный за раз сожрать даже не укладывающееся в голове количество людей. И в подобных случаях внешний вид уже не особо и важен, ведь страшат не щупальца, а его кошмарной жуткости деяния...

Разумна ли эта тварь в привычном для нас понимании?

А если да – то осознает ли, что приманивает и пожирает таких же разумных, как и она сама?

А может ли медуза быть разумной, но при этом находиться не просто на несколько ступеней выше нас по развитию, но подниматься вообще на другой параллельной лестнице разумности?

И тогда не являемся ли мы для этой твари кем-то вроде лошадей или дельфинов по уровню развития?

А ведь мы едим лошадей и дельфинов без особого сожаления – как и поедаем множество других живых созданий.

Я сам убежденный мясоед и менять это не собираюсь. Но сейчас, глядя на невероятную картину через квадратное окно в стальной корме вездехода, я искренне рад, что наши земные овцы и куры не научились строить заговоры...

Насмотревшийся Филимон с удовлетворенным вздохом отвалился от окна и, пользуясь почти выровнявшимся положением машины, неспешно пошел к своему месту. Мне тоже уже не хотелось вглядываться в светящийся лед, и я опустил взгляд чуть ниже, смотря при этом поверх вершин не столько высоких как штурмуемый нами холмов.

По пути сюда мы прошли длинным широким ущельем. Мы двигались между угрюмых ледяных стен с редкими земляными и каменными вкраплениями. Остановившись дважды, выгружая какие-то свертки, передавая их встречающим закутанным в меха фигурам. Перебрасывались с ними несколькими фразами, после чего двигались дальше. Оба раза я покидал машину и без малейшего стеснения осматривался. В первый раз мы оказались рядом с вмороженным в лед одноэтажным зданием с наглухо закрытыми металлическими ставнями окнами. Через открывшуюся ненадолго дверь и открытый тамбур я успел разглядеть на первом этаже небольшую комнату с обложенной кирпичами и камнями буржуйкой, пару покрытых шкурами коек и какую-то аппаратуру на длинном столе у стены. После того как мы снова пришли в движение, ущелье превратилось в ледяной тоннель, уходящий все глубже под землю. Помню, как я невольно поежился, представив нависшую над медленно ползущими стальными коробочками массу снега и льда...

По неправильной форме тоннелю мы двигались около часа. Не знаю сколько километров мы преодолели, но кольцевую зону падения сбитых Столпом тюремных крестов мы преодолели именно тогда. Об этом нам сообщил Чифф, не без гордости сообщивший, что именно он открыл этот подземный естественный проход и он же состоял в первой десятидневной экспедиции, когда они пешими пробивались в темноте сквозь снежные заносы. В той экспедиции погибло четверо упрямых стариков, а еще двое серьезно обморозились и после этого долго не прожили. Но потери были не зря – им удалось пройти через тоннель насквозь, провести разведку и обнаружить место, за которое они сумели зацепиться и позднее обжить. Так появилась станция Пытливость.

Вторая остановка была сразу после завершения тоннеля. Встречающие вышли из крайне узкой невысокой щели в ледяной стене. В ней же они и исчезли, утащив за собой большие свертки.

Все это наглядно показывало, насколько сильно луковианцы оторвались от нас землян. Пока мы там социальными классами мерились и похлебку с особыми добавками жадно хлебали, луковианские седоголовые разведчики упрямо тыкались во все стороны, щедро отдавая жизни, но при этом делая открытие за открытием.

Что ж... не в укор нам, но в похвалу им...

Вездеход выровнялся, проехал еще несколько метров и остановился. От кабины послышался голос Чиффа:

– Прибыли! Станция Пытливость! – не выдержав, он сбился со звучного серьезного тона и, по-мальчишески смешливо всхлипнув, добавил – Добро пожаловать на экскурсию, друзья мои. И я с немалым удовольствием выступлю гидом по этому гиблому месту...

Глава вторая

Станция Пытливость. Граница жизни и смерти

Притаившаяся у гребня высокого изогнутого холма станция была красиво и удивительно органично вписалась в этот мрачный снежный пейзаж. Почему-то мне сразу вспомнились многие старые фильмы о альпинизме и о покорении полюсов. Ведь именно в тех книгах я много раз видел такие вот невысокие каменные строения с низкими крышами, но удивительно толстыми стенами, подслеповатыми щелочками окошек, выдающимися вперед тамбурами и дверьми, в которые не войти, не согнувшись в три погибели. На крышах снежная шапка, белая вата укутала и стены везде, где ее не отбросили прочь старательные лопаты. Вездеход подошел к самой большой постройке вплотную, почти коснувшись примыкающего к дверям тамбура защитного навеса.

Покинув машину, я не стал торопиться внутрь, предпочтя встать под навес и оглядеться, благо несколько достаточно мощных ламп давали много света. Первое, куда смотрит в наших снежных краях бывалый человек, так это себе под ноги и вокруг. Снег вокруг был убран до каменистого основания вершины. Не везде, конечно, вокруг нас громоздились целые валы, позволяющие частично защититься от пронзительно холодного снега.

Я не заметил ни единого снежного червя, не говоря уже о медведях. В небе тоже хватало опасностей, но туда смотреть было бесполезно – что разглядишь в забитой снежной порошей черноте?

Вокруг вообще ничего живого – не считая нас, конечно. Заметив узкую тропинку, я вопросительно глянул на закутанного в меха Чиффа и тот кивнул, разрешая. Пройдя прикрытой узким навесом утоптанной дорожкой, через десяток шагов я оказался у края, частично заметенного снегом углубления с выложенными снежными блоками краями. Припорошенное белым тут в обилии лежало то, что в научных кабинетах принято нарекать неизбежными органическими отходами, а в быту называют просто – помойка. Я разглядел медвежьи кости и даже обрывки шкур. А вот это странно... Над ответом голову ломать не хотелось, так что я просто вернулся к навесу и шагая рядом с Чиффом – мы последние кто остался снаружи – вопросительно на него уставился. Он ответил не сразу. Сначала мы зашли в тамбур, гулко хлопнули дверью и там, стряхивая с себя снег, пока я опускал на скобы тяжелый засов, луковичанец пояснил:

– Здесь живности нет. Никакой. Холм крутой, снега здесь задерживается мало, еды для них никакой. Только летающие твари иногда залетают, но редко. Очень редко. Обычно весь скудный мусор мы сжигаем, но тут с дровами плоховато и посему без небольшого могильника не обойтись. Впрочем, земле никакого вреда от этого нет.

– Никакого – кивнул я, стягивая шапку и проходя за ним в следующую дверь.

И я не покривил душой.

Там на Земле люди наносят планете колоссальный вред своими отходами. Но это там. А здесь?

Здесь наши отходы по своему составу сравнимы, наверное, с ранним Средневековьем. Что мы здесь выбрасываем? Да только то, что не можем как-то использовать или сжечь. В основном в мусор уходят до этого хорошо вываренные крупные медвежьи кости, хотя сейчас в Холле их начали потихоньку дробить до состояния муки. Сжигаемые нами отходы не токсичны. При производстве чего-либо не используются химикаты – попросту из-за их отсутствия. Единственной потенциально ядовитой известной мне субстанцией является драгоценная красная смазка, используемая во всех здешних механизмах. Вот она уходит в землю при крушении упавших тюремных крестов. Но еще не факт, что она наносит вред экологии.

Хотя, честно говоря, я про здешнюю экологию и о ее сохранности вообще не думал и впредь не собираюсь. Я не настолько свят, чтобы думать о экологической сохранности собственной тюрьмы. А про помойку я хотел чуть больше пояснений лишь по причине моего удивления отсутствием вездесущих снежных червей. А вот Чифф о экологии упомянул сразу – причем с той характерной интонацией с какой люди искренне говорят о вещах достаточно важных.

За тамбуром оказался узкий и короткий коридор, полный запаха просыхающей зимней обуви, меха и портянок. Места было так мало, что мы вдвоем с Чиффом едва развернулись. С трудом найдя свободные места на вешалках, мы развесили свою одежду и, ступая по медвежьим шкурам, вошли в следующее помещение, причем я старательно пригибал голову, чтобы не ударится о низкий косяк. Дверные проемы здесь ровно такие же, как в древних постройках, когда люд не был столь высоким как современные люди. Но луковчанцы не особо отличаются от землян по росту, а характерная узкость дверей скорее говорит о экономии собирающегося под потолком душного тепла. Впрочем, я бы назвал это скорее мерой предосторожности на черный день, а не вынужденной мерой – в просторной общей комнате было светло и тепло. А знакомый рычаг я обнаружил мгновенно, причем он торчал не из стены, а из кирпичной колонны, стоящей посреди помещения и доходящей почти до потолка. Размеры не столь уж и большие, верхняя часть колонны испускает ровный свет, а внизу по периметру подающие нагретый воздух стальные решетки. Здесь не жарко, хотя воздух довольно тяжелый. У дальней стены стояло двое незнакомых стариков. Они держались за что-то вроде уходящего в дыру в стене багра и ожесточенно дергали его назад-вперед. Пока я наблюдал, багор резко ушел вперед, отчего старики едва не упали, но заученным движением выставили вперед ноги и уперлись в стену.

– Ледяные пробки в вентиляции – пояснил Чифф – Наш главный бич. Чем влажнее воздух – тем быстрее зарастают льдом все отверстия. Перекусишь? Или...

– Я бы лучше глянул в обещанный бинокль – произнес я, заканчивая осматриваться и всем телом поворачиваясь к двери в противоположной от Столпа стене.

Тут имелось еще несколько куда более узких и неприглядных дверей, но одна из них наверняка вела в туалет, а вторая в какую-нибудь кладовку со съестными припасами. Все остальное нормально поместилось в общей комнате, хотя особо и размещать было нечего – обстановка спартанская. Стоящие достаточно хаотично двухэтажные нары могли дать приют десяти людям. Столько же едоков мог вместить длинный узкий стол с двумя лавками. В углу притулилась печь с плитой, примерно такая же как в доставившем нас сюда вездеходе. На полу потасканные посеревшие медвежьи шкуры, на стенах висит сменная одежда, оружие, тряпичные сумки с неизвестным содержимым. В общем станция Пытливость – ее жилая часть – выглядит именно так, как и должна. Здесь все же не санаторий и даже не обычное место работы, а именно что небольшая полярная станция, стоящая на вершине обдуваемого свирепыми ветрами холма.

Я не ошибся – кивнувший луковчанец подвел меня именно к той одинокой двери. Ступив за порог, я удивленно заморгал от острого чувства дежавю. Мы оказались в ровно таком же пункте наблюдения, как и в Пальмире. Впрочем, сходство было только в самом помещении и в наличии закрытого стальными ставнями длинного обзорного окна. Консоль управления была только одна и над ней явно хорошенько поработали, убрав большую часть приборов и тумблеров. Под потолком горела одинокая лампа, освещающая угловой столик и лежащий на нем одинокий бинокль. В рубке никого не было.

– В ту первую экспедицию, в чьем составе я имел честь и счастье оказаться, мы добрались как раз до этого лежащего на вершине отсека – заговорил Чифф, подходя к консоли – К нему были прикреплены длинные тросы, ведущие через вершину и уходящие вниз по склону. Позднее, уже в следующих экспедициях, что стали чуть менее напоминать игры со смертью, мы спустились ниже и там откопали останки большого летающего судна.

– Крест?

– Крест – согласился Чифф – Но раза в четыре больше обычного, если судить по обломкам. Мы пытались восстановить картину произошедшего и у нас получился следующий вывод: мощный летающий транспорт доставлял ближе к Столпу отдельные модули будущей базы. Но что-то пошло не так. Модуль упал на вершину холма с небольшой высоты и почти не пострадал, а вот транспорт врезался в склон и был уничтожен. На его борту мы нашли двадцать семь пассажиров.

– Ого.

– Все они погибли. Одежания походные, больше всего похожие на армейскую форму, но с разными шевронами и прочими знаками отличия. Скорей всего там были не только солдаты, но и представители инженерных и исследовательских отрядов. Тела мы оставили там. С креста сняли все полезное, позднее дополнив это собственными припасами и создав систему жизнеобеспечения для станции Пытливость. Остальное так и осталось лежать ниже по склону – и если ты решишься спуститься по нему, то твой путь будет лежать мимо их братской могилы.

Я молча пожал плечами. Чем здесь впечатляться? Тут повсюду мертвые тела. Мне уже не вспомнить сколько раз я находил замерзших до каменной твердости мертвых тел в своих вылазках. Сначала были какие-то эмоции. А сейчас осталась разве что смутная жалость – и то только к тем, кто освободился после долгого срока, но так и не добрал до спасительного убежища.

– А вот там за окном то, ради чего мы старались зацепиться за вершину обледенелого холма – Чифф ладонью переключил сразу два тумблера и лязгнувшие за стеклом стальные ставни начали расползаться.

За моей дверью стукнула дверь, но оборачиваться я не стал. И так ясно, что мои спутники из родного Убежища не могли пропустить главный гвоздь обещанной программы – и я вполне разделял их любопытство. Поэтому попусту крутить головой я не собирался, вместо этого шагнув к столику и вовремя сграбастав бинокль – жадную руку Милены опередил буквально на секунду. Не обращая внимания на ее разочарованное цыканье, я задумчиво глянул на темень за стеклом и вопросительно уставился на Чиффа. Тот, понимающе усмехнувшись, щелкнул еще одним тамбуром и далеко внизу зажегся яркий оазис света. На него я бинокль и навел, одновременно вспоминая все рассказанное луковичанцами во время той памятной беседы в Центре. В результате глазами я уставился на хаотичное нагромождение бело-серых высоких объектов, тесно сгрудившихся под холмом, а в моих ушах зазвучал ровный и немного опечаленный голос старого луковичанского дипломата и дельца. Впрочем, плох тот дипломат, что не является дельцом.

– Сераки – тогда произнес окутанный сигаретным дымом старик – Проклятые сераки убили всех...

Их я сейчас и видел – впервые в жизни вживую. До этого эти красивые и жутко опасные природные объекты встречались мне только на видео о покорении гор. Еще я много читал о них, но печатное слово хоть и будоражит фантазию, все же не в состоянии передать всю ту исходящую от этих внешне безобидных ледяных образований угрозу. За эти дни я узнал о них еще больше и сейчас старался увязать всю информацию в голове, медленно обзвывая лежащий там внизу кошмар.

Ледяные клыки, ледяные колонны, столпы смерти, погибель альпинистов – у сераков много названий. Чаще всего они встречаются у передней кромки горного ледника. Представляют собой нагромождение ледяных шатких колонн и огромных порой глыб. Между этими образованиями имеются узкие сумрачные проходы. Некоторые из этих ходов более чем широки и выглядят прогулочными дорожками, в другие едва протиснешься, в некоторые не просунешь и руку. Величественные поля сераков выглядят красиво и монументально. Человек неопытный даже и не осознает опасности, глядя на них. Но на самом деле это воплоще-

ние непредсказуемости и ужаса. Сераки вполне можно и нужно сравнивать с русской рулеткой. В рулетке тебе необходимо вставить единственный патрон в револьверный барабан, потом крутнуть, поднести ствол к виску и нажать спуск – так ты глупо испытываешь свою удачу. В случае с сераками достаточно просто войти в этот лабиринт и попытаться пройти его насквозь. Может быть тебе повезет. А может быть нет и от тебя останется лишь растертое красное длинное пятно и размозжённые кости...

Сераки неустойчивы. И они склонны обрушиваться. Причем случается это мгновенно и зачастую беззвучно.

Раз! И многотонная ледяная колонна с основанием метров в пять вдруг буднично заваливается на идущую мимо нее группу альпинистов. Они могут даже не успеть заметить опасности, а затем свет просто навсегда погаснет в их глазах.

Каждый год сераки там на Земле убивают кучу народа. Да не так уж много, если смотреть на число погибших, но ведь и в ледники лезет не так много народа. Так что это настоящие убийцы всего живого. Они настоящее предостережение всем тем наглым упрямам, что вздумали покорить снежную вершину – эй, ты! Видишь? Мы стоим у тебя на пути – и хотим убить тебя! Не лезь! Но люди отчаянны. Люди лезут. Кто-то проходит, а кто-то погибает...

И как раз сейчас я и видел одно из таких безмолвных, но при этом очень громких предостережений – там внизу под холмом. Я видел длинный и будто изломанный ледяной «язык», выходящий прямо из крутого белого склона. Склон этот принадлежал не холму, о нет. Поведя биноклем, я осмотрел склон сначала в одном направлении, а затем в другом – насколько хватило освещения. Высоченная, примерно тридцатиметровая стена поднималась и будто бы нависала над нами, выглядя как моментально заледеневшая стена цунами. Хотя истинной высоты этой невероятной преграды я различить не мог – мешала сплошная снежная круговерть, несущаяся вдоль склона с бешеной скоростью. Ветер настолько сильный, что на высоте в сорок с чем-то метров легко отрывает человека от скалы и швыряет в пустоту – это я узнал от луковичанцев, что уже пытались дважды покорить стену, оба раза потеряв по человеку. По их словам, чем выше лезешь, тем сначала отвесней становится стена, а затем и вовсе появляется негативный уклон, что делает дальнейший подъем невозможным – даже без учета бешеной стужи. Холод там наверху адский – поэтому даже подготовленный молодой альпинист долго не продержится. Стену не перевалить. Но можно пройти ее насквозь – ведь то изломанное остроконечное поле из множества ледяных пиков в буквальном смысле слова вылазит из окутанный стылым туманом едва заметной дыры в основании склона.

Можно... теоретически.

На практике этого доказать не удалось – все попытавшиеся пройти через это поле смерти смельчаки погибли или пропали. Чаще всего моменты их гибели фиксировались свидетелями – наблюдавшими в том числе и прямо отсюда, стоя с биноклем у стекла.

Передав бинокль Филимону – Милена уже успела выпросить у кого-то экземпляр для себя – я задумчиво приложил ладонь к холодному стеклу и повернулся к Чиффу. Он правильно прочитал эмоцию в моих глазах – я смотрел на него с состраданием – и медленно кивнул:

– Да... я знал каждого из них. Мы беседовали. Вместе кушали. Смеялись. Храбрились. А затем я отправлял их вниз, а сам брался дрожащей рукой за этот бинокль и наблюдал, боясь сделать излишне глубокий вдох, словно это могло бы спровоцировать обрушение проклятых сераков.

– Невыносимая тяжесть ответственность – вздохнул я – Проклятье выжившего.

– Я будто палач – прошелестел Чифф – Порой я безумно жалею об открытии этого места. Не перевали я тогда на остатках чистого упрямства через гребень... сколько людей все еще жило бы? Я ощущаю острую вину...

– Не стоит – улыбнулся я и в ответ на удивленный и даже обиженный взгляд пояснил – Туда толкаете людей не вы. Их толкают лидеры вашего убежища. В то время как ваша личная задача состоит лишь в том, чтобы честно предупредить обо всех опасностях и как можно лучше подготовить следующих кандидатов к опасному пути. Так что я вас не виню. А за меня так точно можете не переживать – даже если я решусь и погибну в попытке, то это мое собственное решение и ничье больше.

Прежде чем он успел обдумать мои слова и как-то возразить, я уже перешел к более важному делу:

– А спуститься туда когда можно? Отсюда я ничего решать не буду. Сначала хочу побывать там внизу и ощутить все вживую.

– Выпьем чаю – и можно отправляться – вздохнул Чифф, указывая рукой на дверь – Прошу.

– Мы пока здесь побудем – ответила Милена, стоя рядом с Филимоном и вглядываясь вниз – Как же жутко красиво... и прямо сейчас я готова отдать десять лет жизни за возвращение моих ног... да я и двадцать отдам!

– Как же легко вы молодые раскидываетесь десятками лет – старый луковичанец укоризненно покачал головой – Я уже почти добрал до своего рубежа и смерти. Еще шаг и я с готовностью отдам левую руку и обе ноги по колено за еще пять-десять лет жизни... Столько еще не сделано... столько всего не увидено... столько всего не обдумано... Пойдем, Охотник. Я угощу тебя крепким сладким чаем. Он придает силу телу, ясность уму и отгоняет седую тоску...

– Красиво сказано...

– А потом я покажу тебе памятную надпись о том, кто был во всем похож на тебя, Охотник – такой же молодой, сильный...

– И даже не тупой?

– Упрямый и смелый. Он тоже был с Земли, как и ты. А в знании гор и таящихся в них опасностей он был куда опытнее тебя.

– Кто он?

– Выпьем чая. И я покажу, а затем и расскажу те крохи, что знаю о нем...

* * *

– Анатолий Б. – прочитал я, глядя на очищенную от снега полосу на серой каменной глыбе метрах в пятнадцати от вала ледяных осколков, окаймляющего первые ряды каплевидного поля сераков, зажатого между скальными исполосованными стенами каменного кармана. Через вал переползала волна мутного белого тумана, истончающаяся и исчезающая шагов за десять до нас – Кто он?

– Один из тех, кто ушел в туман сераков. Ушел и не вернулся – просто ответил закутанный в меха Чифф.

– Действительно немного о нем известно – хмыкнул я, продолжая смотреть на земное мало что говорящее имя – Еще что-нибудь?

– Землянин. Это точно. Вроде бы альпинист. Молчалив. Очень молчалив. Вытянутое чуть грустное лицо, синие глаза, светлые волосы. После крушения креста он вышел на нас. Стремился к вам землянам, часто смотрел в небо, где крутились искры летающих крестов. Все, что нам удалось от него добиться – его никто не похищал в обычном для нас понимании. Его с другом захлестнула снежная горная лавина. Тьма. А затем он очнулся уже в тюремном кресте...

– Давно это было?

– Что именно?

Я пожал плечами:

– Да все даты сгодятся.

– Ну... в тюрьме он пробыл, по его словам, не меньше пятнадцати лет. После крушения, потери руки и других серьезных травм восстанавливался еще два года. Старательно приводил себя в форму, участвовал в охотах. Собирался к ближайшему бункеру землян. Но потом узнал от меня об этом месте и тут же попросился сюда. Осмотревшись – а ходил он тут кругами два дня – принял решение, снарядился и... ушел, улыбнувшись напоследок и сказав, что должен отыскать друга. Вот и все что я знаю о нем.

– Анатолий Б. – повторил я задумчиво, глядя на языки клубящегося над ледяным валом тумана – Он ходил тут вокруг два дня?

– Излазил все вокруг. И ночевал здесь же в палатке. Один. Минусовую температуру он переносил играючи. Снега не боялся.

– Вот и я побуду здесь – кивнул я, поворачиваясь к Чифу – Один.

– И сколько?

– Дня два минимум – улыбнулся я, сбрасывая с плеч рюкзак.

– Нам надо многое обговорить и...

Я мягко прервал старика:

– Я пока не принял никакого решения, Чифф. Для начала я хочу побыть здесь. Осмотреться. Подумать. Если есть какие-нибудь записи об этом месте на моем языке – я с радостью их прочту.

Помедлив, луковичанец кивнул:

– Что ж... твое право, Охотник. Ты получишь все необходимое – палатку, записи, термос с горячим чаем и одиночество...

* * *

Рядом с насмешливо высунутым из рта горы шипастым ледяным языком, по которому или через который мне предстояло пройти, я провел целые сутки.

Немалую часть дня я потратил на неспешное блуждание и отстраненное любование «языком» со всех сторон. Я ни о чем не думал. Я просто рассматривал грозные ледяные пики, прислушивался к неумолчному хрусту, скрежету и звону, доносящимся из ледяного лабиринта. Первое время эти звуки нервировали, напоминая о возможной атаке медведей или летающих червей. Но вскоре я убедился, что здесь действительно нет никакой жизни. Вообще никакой. На снегу ни единого отпечатка, ни единого змеящегося следа. Да и сам воздух был достаточно чист – тут внизу. С небес падала снежная пыль, но она почти не мешала. И что удивительно, тут было куда светлее чем по ту сторону длинного высокого холма. Как я понял, хотя не уверен в правоте своей догадки, источаемый далеким Столпом свет неким образом отражался от ледяных склонов над ледником, рассеянным пологом падая вниз. В результате тут все выглядело зимним рассветным утром.

Вторую половину дня я провел в одиноком безмолвном лежании и сидении на мною созданном пятачке, расположенном метрах в десяти на склоне, продолжая изучать ледник, но уже с другого ракурса. От ветра меня защищали выложенные из вырезанных плотных снежных блоков две параллельные стены, между которыми я обустроил мягкое ложе, а на стены накинул медвежью шкуру. Пока сооружал простенькое укрытие, меня то и дело прерывал злой пугающий треск, вынуждающий резко повернуться к леднику, чтобы увидеть очередное его грозное предупреждение – неожиданное быстрое падение многотонных глыб или же их резкое смещение с места. И то и то смертельно – если окажешься на пути. Либо расплющит, либо разотрет в порошок...

Страшно. И это хорошо.

Бойся, Охотник. Бойся. – эти слова я уже не раз повторил себе, пока до рези в глазах вглядывался в то, как на моих глазах обрушивалась и менялась часть смертоносного лабиринта. Я все еще не уловил какой-либо закономерности, но вряд ли она вообще имелась. Ледник просто временами приходил в движение, когда из дыры в склоне выдавливалась очередная гигантская порция замороженной воды. Выдавливалась оттуда, куда так сильно хотели попасть луковичанцы, а теперь и я.

Кстати, закономерность кое-какая все же имелась, но для меня она не имела ни малейшей ценности. И вся целиком она вмещалась в простые и страшные слова Филимона, оброненные им почти машинально, после того как Чифф, грустно улыбаясь, рассказал нам о ней.

Старик Филя сказал просто: сколько мяса вошло – столько и вышло. Мясорубка.

Ну да...

Вместе с новыми выдавливаемыми из горы глыбами льда, трескающимися, расходящимися на отдельные клыки и шпильки, со льдом выходили раздавленные и чаще всего не опознаваемые мертвые тела. Гора возвращала тех, кто осмелился войти в ее окутанное стылмым туманом темное чрево. Насмешливо выбрасывала раздавленные трупы как сор из избы...

Ночь я провел там же на склоне и выспался отлично, хотя изредка меня будил резкий как выстрел треск, а затем тяжелый приглушенный грохот падения очередного иззубренного клыка. Ледник жил своей жизнью, миллиметр за миллиметром уползая прочь от дыры.

С рассветом ко мне поднялся Чифф, принеся с собой рюкзак со спальным мешком и пару термосов с горячим питьем. Загодя увидев его приближение, я заставил себя выбраться из нагретого теплого логова и успел подготовить лежанку и для него. Дело уже привычное и достаточно быстрое.

Перед тем как устроиться рядом со мной, старик несколько секунд вглядывался в мои глаза, после чего покачал головой и глухо обронил сквозь обматывающий нижнюю часть лица шарф:

– Ты почти решился, Охотник.

– Почти – кивнул я, произнеся первое слово больше чем за сутки.

– Я рад. Но я и опечален. Ты не забыл? Сераки обманчивы, Охотник. Эти прирожденные убийцы предпочитают сначала заманить свою жертву...

Махнув рукой, он, бормоча что-то совсем уж неразборчивое, опустил на колени, привычно развязав сверток со шкурой, вытащил из нее спальник, умело все разложил и в два счета забрался внутрь, тем самым выдавая свою немалую опытность. Хотя то, насколько этот старик опытен на открытой местности видно по его легкому привычному передвижению. Он действительно побывал в немало количестве разведывательных вылазок. Я опустил рядом и вновь обратил взгляд на поле сераков под нами, успев заметить, как беззвучно отломилась и рухнула вершина красивого пика, канув в темный проход между глыбами. Отсюда все выглядело безобидно, но на самом деле с многометровой высоты рухнуло несколько сантиметров льда.

– Прежде чем мы начнем обещанную тебе откровенную беседу... – заговорил Чифф, заскрипев крышечкой термоса – Не расскажешь для чего ты решил целые сутки пробыть здесь в одиночестве? Одиночное созерцание может успокоить или взбудоражить душу, но никак не заменит годы коллективного наблюдения за этим местом. Мы знаем больше тебя. А наши журналы знают еще больше – Милена как раз уселась за их изучение.

– Записи на нашем языке?

– Ей переводят.

– Каждую запись? – ровно спросил я – Каждое слово?

– Вы земляне недоверчивы...

– А вы?

– И мы тоже – вздохнул Чифф – Раньше мы не были такими. Быть может чем старше цивилизация, тем больше в ней мерзкого и липкого? Быть может есть некий сакральный смысл в явлении гигантского монстра, что нещадно пропалывает наши ряды и тем самым очищает их?

Я невольно рассмеялся:

– Вряд ли эта попахивающая геноцидом теория получит широкую популярность среди народных масс.

– Это всего лишь горькая шутка. Но вот что я тебе расскажу, Охотник – протянув мне кружку и убедившись, что внимательно слушаю, Чифф продолжил – Если верны те обрывочные сведения, что получены нами о здешней истории из переведенных найденных книг, то эта планета видела куда меньше мировых войн чем наши с тобой. Да здесь тоже были междоусобицы, но куда более локальные и далеко не столь кровопролитные.

– И неудивительно – хмыкнул я – У них был общий враг. А у нас его нет. Во всяком случае у планеты Земля.

– Нет его и у Луковии.

– А зачем Милена изучает те записи? – чуть запоздало задумался я вслух – Что в них такого?

– Там собранные за годы таблицы активности ледника. Записи достаточно систематичны и подробны.

– Но зачем ей это?

– О... ты удивишься...

– Почти уверен в этом.

– Милена заносит данные в свой переносной компьютер, параллельно дорабатывая программный код какого-то приложения. Она просила передать, что для завершения ей потребуется еще несколько дней.

– И что должно сделать это приложение?

Чифф удивленно поморгал, кашлянул и тихо ответил:

– Программа покажет динамику роста всего ледника и поведение наиболее активных и опасных зон за все время наблюдения. Туда же Милена планирует прикрепить, как она выразилась, координаты входов в ледник всех, кто уходил туда до тебя, с обязательно отметкой мест их гибели, если таковые зафиксированы. Туда же она добавит какие-то графики и... честно говоря, я понял далеко не все из сказанного ей. Но она собралась учесть буквально все, что-то упомянув даже о возрасте тех, кто пытался и погиб. Она сообщила, что внесет в программу вообще все имеющиеся данные, что позволит развернуть информацию наглядно и вычленив особо опасные места, ошибки предыдущих попыток и... дальше я, несмотря на свой смею надеяться достаточно высокий интеллект, начал терять нить диалога... Новое поколение... оно порой пугает своей удивительной и при этом несколько потусторонней решимостью перевести в цифру, систематизировать и превратить в наглядные графики вообще все вокруг... Знаешь, Охотник... – Чифф снова несколько раз часто моргнул покрасневшими веками и вдруг признался – Я устарел... морально и физически. Меня пора списывать со счетов.

– Это не так.

– Боюсь, что именно так. Сегодня я плакал там в тамбуре. Недолго и не особо горько, но плакал. И поверь, Охотник – мои слезы были вызваны не собственной отсталостью в некоторых вопросах, а пониманием, что я все же виноват...

– Не совсем понял.

– Ну... все эти годы, отправляя людей считай на верную смерть, а затем в буквальном смысле слова наблюдая за их гибелью, я все время утешал себя с помощью холодной высокомерной уверенности в том, что лично я как ученый предусмотрел каждую мелочь, каждый

аспект и что с моей лично стороны не допущено ни малейших недочетов. Я сделал все что мог. Понимаешь?

– Теперь понимаю.

– И вот после череды трагичных смертей появляется молодая деловитая девчонка, что с некоторым даже презрением осматривает забитую исписанными тетрадами и журналами полку, затем бегло изучает их и принимается за кардинальную переделку всей нашей устоявшейся и как оказалось не учитывающую множество тонкостей системы... При виде этой сосредоточенно глядящей в мерцающий экран девчонки я ощутил себя бесполезным слезливым стариком...

– Это вы зря.

– Зря? Когда я уходил, она крутила в руках собранную буквально из мусора камеру, задумчиво прикидывая, удастся ли ей установить за ледником круглосуточное видеонаблюдение, и чтобы еще одна программа автоматически заносила в базу данных все зафиксированные камерой изменения внутри ледника...

– Потусторонняя решимость новых поколений дополняет их любовь к глобальной цифровизации – рассмеялся я – Это неизбежно. И как оказалось неизбежно даже здесь – в сердце чужой нам ледяной пустыни на другой планете. Но вы все же зря списываете себя со счетов.

– О... – Чифф неожиданно улыбнулся – Зря или нет мы выясним очень скоро.

– Это как?

– Если ты решишься попытаться и перед выходом внимательно изучишь систематизированные Миленой данные...

– И если у меня получится...

– То это вполне докажет, что таким как я давно пора на свалку истории – кстати, удивительно меткое земное выражение.

– Или же докажет существование такой штуки как везение – хмыкнул я, снова обращая взгляд на мерцающий ледник.

– Ты главное не торопись, Охотник. С новыми данными или нет, с новым подходом или без него, но только не торопись. Не позволяй леднику обмануть себя и оставайся в стороне от него до тех пор, пока не ощутишь уверенность в своих силах.

– Торопиться и не собираюсь – уверил я старика – Но в ледник отправлюсь где-то через час.

– Что?!

– Я не собираюсь углубляться в него – успокаивающе улыбнулся я – Войду на несколько шагов. Мне надо понять, насколько там темно, как сильно скользко и тесно...

– Многие данные есть в наших тетрадах.

– Теория никогда не заменит практику, Чифф.

– Я понимаю. Но ты торопишься – хотя я и предупреждал. Мы прибыли сюда не ради твоей гибели.

– Практика незаменима – убежденно повторил я – А еще мне нужно привыкнуть к новым условиям. Поэтому я буду делать по-своему. Вы уже не обессудьте.

– Даже и пытаться не буду – проворчал Чифф – Закуришь?

– Закурю – кивнул я, протягивая руку за сигаретой – Спасибо.

– Анатолий, тот что исчез там в тумане и темноте... его тело так и не показалось. Хотя оно где-то там, конечно. Но он, как мне кажется, ушел дальше всех прочих. Если и погиб – то уже внутри склона.

– И что?

– Он тоже делал немало пробных вылазок внутрь лабиринта сераков.

– Как много? – деловито спросил я.

Чифф честно постарался припомнить:

- Шесть... может восемь... но в журналах перечислены все его пробные вылазки.
- Значит мне понадобится не меньше десяти, а то и пятнадцати – подытожил я, радуясь полезной информации – Я все же не альпинист и опыта у меня маловато – затянувшись горьким дымом, я поинтересовался – Перейдем к главному? Поговорим о цели всей этой авантюры:
- Ради этого я сюда и пришел – кивнул Чифф – Ради это мы все сюда пришли...

* * *

В тот день я зашел в ледяной лабиринт и вышел из него больше двадцати раз. Количество «туда» и «обратно» сошлось, означая, что я сумел выжить и вернуться. К делу я подошел серьезно и вдумчиво, стараясь применить на практике весь имевшийся у меня практический максимум.

В первый раз я зашел в сумрачный лабиринт всего на пару шагов и остановился. Мне нестерпимо сильно захотелось поскорее убраться отсюда, но я пересилил это чувство и заставил себя остаться внутри на следующие десять минут. Я просто стоял, глядя куда угодно, но только не назад. Я смотрел на припорошенные инеем ледяные стены по сторонам, глядел на скользкий ледяной пол и на светлую далекую полосу «неба» над головой. Когда назначенное самому себе время вышло, я сначала сделал пару шагов вглубь, аккуратно опуская шипованные подошвы на лед – накладки на обувь я получил от луковичанцев – а затем уже медленно повернулся и неспешно вышел. Помахал приглядывающим за мной наблюдателям – я настоял, чтобы рядом со мной вообще никого не было – и уселся на принесенный с собой обрывок шкуры. Посидел с четверть часа, оценивая пережитые сильные ощущения.

Это действительно было сильно. До ощущения нервной дрожи где-то даже не в теле, а внутри головы, будто в центре мозга безумствовал от ужаса перепуганный крохотный зверек инстинкта самосохранения, бьющийся в истерике и не понимающий, почему глупое тело не подчиняется его приказу бежать отсюда без оглядки.

Не это ли чувство испытывают порой спортсмены экстремалы, когда переступают всякую грань разумности в своих попытках дотянуться до недостижимого? Чувство страха, смешанное с ощущением победы над самим собой, а следом чистейшей воды восторг, взрывающийся в голове подобно крохотной атомной бомбе, заглушающий истошный визг инстинктов...

Быстрее, выше, сильнее, опасней, безумней... Вперед!

В наше время люди больше впечатляются другими странами, хвастаются утомительными путешествиями в самолетах, фоткаются на раскаленных пляжах, захлебываются показным восторгом во время нудных экскурсий по руинам, где до них уже побывали миллионы туристов. Вот только как по мне там нет действительно сильных настоящих эмоций. Да и откуда им взяться, если все по скучному и заранее известному графику? С зевотой бубнит экскурсовод: через полчаса вы увидите остатки пиршественного зала, расположенного вон в тех забытых потными туристами руинах, затем десять минут свободного времени и все отправляемся смотреть ассортимент винного магазина моего кузена... Это все фуфло, а не эмоции. Настоящий драйв такими поездками не поймать. Может все дело в непредсказуемости и опасности? Именно они заставляют быть настороже, нервная система все время под напряжением, любая мелочь кажется важной и яркой, требуя немедленной быстрой оценки...

Вот только вряд ли такое времяпрепровождение каждому под нраву...

А мне по нраву. Снова по нраву. Как нравилось в юности, пока меня не захлестнул вал топкой безразличности, схлынувший с меня после попадания в летающую тюремную келью.

Насидевшись, я поднялся, чуть размялся и снова вошел в сумрак между ледяными колоннами. Теперь я собирался зайти дальше, обойти крайнюю глыбу и выйти из другого прохода...

Так вот раз за разом я изучал эту местность, в первую очередь выясняя как здесь лучше передвигаться – как ставить ногу, если ли трещины, можно ли безопасно ступать по вмерзшему

в полу ледяному крошеву или лучше свернуть и пойти другим путем. Мелочь за мелочью складывалась у меня в мозгу, делая меня опытнее. Вскоре я окончательно уловил суть старого луковичанца Чиффа, раз за разом напоминавшего не поддаваться чарам этого ледника. Чифф был полностью прав – спустя двадцать вылазок вход в сераки стал казаться плевым делом, а где-то в подсознании появилось то самое тщеславное глупое удивление такому количеству смертей.

Поэтому я даже обрадовался, когда в последнюю двадцать четвертую вылазку в тумане вдруг раздался оглушительной силы треск, сменившийся адской силы грохотом. Под ногами дрогнула земля и не устояв, я рухнул на спину. Извернувшись, вскочил, скрежетнул шипами по льду и рванул прочь. Все выглядело как в дешевых фильмах ужасов – несущийся навстречу коридор, плывущий над землей туман, нарастающий шум сзади... В этот момент мне было не до радости, но когда благополучно выскочил, отбежал на пару шагов и... позорно так поскользнулся, упав и пропахав лбом пару метров снега... вот тогда радость пришла вместе с никак не вяжущимся с ситуацией смехом. Встав и отряхнувшись, махнув уже бегущим ко мне фигуркам, я повернулся к лабиринту сераков и понял – я пойду туда. Точно пойду. Не знаю заманил меня все же ледник или нет, но я решение принял. А вместе со снегом я с большим облегчением наконец-то стряхнул с плеч все эти странные ощущения некоего своего геройства или даже избранности. Я никой не избранный, а передо мной не мистический лабиринт, а просто растрескавшаяся ледяная пробка, через которую мне необходимо пройти, чтобы добраться до пустоты в склоне холма.

И это не какое-то там великое испытание – на это намекал Филимон, то и дело крестя меня. Нет. Это не испытание, а конкретная задача, которую необходимо успешно решить.

Я не восходитель и не покоритель вершин, стоящий не высочайшем пике с развернутым флагом над головой. И пусть я из тех, кому приходится на эти вершины взбираться довольно часто, я скорее нагруженный тяжелым рюкзаком шерп, сопровождающий геройского восходителя. Для него – эпичная победа. А для меня опасная, но рутинная работа, необходимая, чтобы прокормить семью. И правильное для меня отношение к этому чересчур уж воспетому леднику должно быть не иначе как житейским.

Забросив за спину рюкзак, я неспешно зашагал вверх по склону – сегодня ночью в тепле.

Глава третья

– Разразись между нашими планетами война на равных – вы бы победили – уверенно заявил Чифф, после чего сделал крохотный глоток из почти полной стопки и назидательно добавил – Алкоголь убивает разум и посему прибегайте к нему реже!

– Эти две мысли между собой никак не вяжутся – заметил я, согревая руки о горячую кружку с чаем.

Я сидел на гостевых угловых нарах поодаль от собравшихся за столом всех текущих обитателей станции Пытливость и был занят сортировкой содержимого рюкзака, пытаюсь сделать невозможное – убрать лишний вес и при этом набрать побольше полезных вещей. На Земле это вполне реализуемо при наличии денег. Кинь в экран компьютера пачку денег – и будет тебе почти невесомый спальный мешок, современный сытный пеммикан, шоколадные плитки, титановый мультаитул и все прочее столь же современное, легкое и надежное. А я вот сидел и думал стоит ли брать с собой две пары запасных портянок или хватит одной.

– Мысли не связаны – согласился Чифф, косясь на сидящую рядом с ним Милену, продолжающую вводить в ноутбук данные по леднику – Первая мысль выдана холодным разумом повывавшего жизнь чудаковатого, но трезво мыслящего ученого. А мысль о алкоголе исходит из сердца не имеющего внуков старика.

– И почему земляне победят? – Милена спросила это, не отрывая усталых глаз от мерцающего экрана.

– Объяснить не смогу. Но знаю, что так думаю не только я.

– И часто луковчанцы думаю о войне с Землей? – спросил я.

– Не слышу в твоём голосе удивления, Охотник – вопросом на вопрос ответил Чифф – Ты ведь тоже думал об этом?

– Думал – признал я – Как не думать? Тут в ледяных пустошах столкнулось несколько прежде не знавших друг от друга планетарных цивилизаций.

– Но почему ты думал о войне, а не о мире, Охотник? Ведь мы так похожи друг на друга.

– В этом и беда – ответил я – Мы слишком похожи. Мы дышим одним и тем же воздухом, нам подходят одна и та же пища и вода. Нам легко воевать, нам есть за что воевать, и мы можем сражаться как на наших, так и на ваших территориях. А попробуй повоевать с какими-нибудь иными формами жизни, которые, предположим, дышат парами серной кислоты и купаются в океанах серной кислоты.

– С ними сражаться будет тяжело?

– Бессмысленно – поправил я – Что нам с ними делить, верно? А вот нам с вами подраться есть за что...

– Грустные ты вещи говоришь, Охотник – вздохнул Чифф и сидящий, с другой стороны, от него Филимон часто закивал, глядя на меня с немой укоризной.

Пожав плечами, я поднял руку с вязаным носком и ткнул им на узкий стол у стены. Там лежала многослойная кожаная сумка с единственным отделением внутри. Там хранился очередной замысловатый представитель здешних технологий. Механизм, имеющий прямое отношение к главной цели предстоящей вылазки.

– Телепортация – произнес я единственное слово и в комнате повисла тяжелая тишина.

Даже Милена прекратила стучать клавиатурой и уставилась на кожаную сумку. Чифф медленно кивнул:

– Во вселенной многие пойдут на многое ради этой технологии. Будут готовы и убить.

– Убить? – я невольно рассмеялся – Не знаю насчет вселенной, а на моей родной планете воевали и куда за меньшее. Если же на кону телепортация... Думаю, дальше можно не продолжать. Уверен, что луковчанцы тоже будут готовы сражаться за эту технологию.

– Любая цивилизация будет сражаться за такое – сказала Милена и, пожав плечами, вернулась к работе – Хотя... лично мне телепортация особо не важна. А вот когда человек просто дергает несколько раз в день за какой-то там рычаг и взамен получает бесплатную энергию, питающую его дом и удовлетворяющую все его нужды... вот за такое я бы на Земле убила. Как вспомню счета за коммуналку и бензин...

– Так почему земляне победят в войне? – повторил я свой вопрос.

– Не объяснить – отозвался Чифф и сделал еще один глоточек из стопки – Но это крепкое многолетнее убеждение, подпитываемое новыми мелкими подтверждениями практически каждый год.

– Какими подтверждениями?

– Мелкими да колкими – улыбнулся Чифф и махнул рукой, будто отгоняя муху или надоедливую мысль – Это лишь гипотетические рассуждения. Мы слишком разные и уж точно, чего не будет, так это битвы на равных – просто потому, что так никогда не бывает. Кто-то всегда сильнее, кто-то хитрее, а кто-то готов идти до конца и не постоит за ценой... Спросите, почему я вдруг задумался об этом? Так ответ прост – Охотник принял решение и скоро пойдет через нагромождения сераков. Если ему удастся пройти и добраться до точки с имеющимися у нас координатами... то возможно это откроет нам всем путь домой. И тогда мы все – Чифф обвел взглядом лица внимательно слушающих и продолжил – И тогда мы все наконец-то уйдем на покой. Мирная старость и щедрая пенсия. Звучит неплохо! Ну а здесь всем начнут заниматься куда более молодые представители наших миров. Хотя вот ты, Охотник, как раз в том возрасте, когда...

– Нет уж – усмехнулся я, неспешно убирая сложенные носки в рюкзак – Не знаю насчет пенсии, но вот политикой я заниматься точно не собираюсь. Мое дело охота. Иногда такие вот вылазки тоже по нраву.

– Может оно и правильно! – вдруг ожил радист Касьян, поднимая стаканчик – Каждый должен делать свое дело! И делать должен хорошо! Выпьем же за это!

Над столом прозвенела разномастная посуда, а следом застучали ложки, выхватывая из тарелок мясной студень и еще горячий суп. Я к культурному распитию спиртного не присоединился, а поужинать успел еще до этого. Сейчас все мои мысли были заняты осмысливанием новой информации, выданной нам луковичанцами явно из безвыходности. Они понимали, что втемную меня не послать и поэтому поступили мудро, хотя бы частично раскрыв карты. И заодно показав, насколько мало я понимал во всей этой ситуации, когда умыкнул ту важную штуковину из развалин. С другой стороны, мои решительные действия поспособствовали образованию определенного рода репутации и вкуче с положительной оценкой луковичанцами моих навыков, привели меня на станцию Пытливость, где я узнал в чем крылась самая большая заковыка нашего морозного мира.

Защита от дурака.

Луковичанцы не смогли преодолеть именно ее – защиту от дураков.

За прошедшие десятилетия эти упорные седые муравьи луковичанцы, тихие, старательные, умные и терпеливые, сумели сделать очень многое. Помимо достаточно комфортного обустройства в пустошах и налаживания связи с еще летающими узниками – а на этом остановилось здешнее развитие землян – луковичанцы раскопали несколько телепортационных устройств различной степени сохранности. Оценив повреждения, они не только сумели починить одно из таких устройств, но и решить почти все остальные проблемы. Им не хватало некоторых элементов, но спустя годы они добыли и их – пульсирующий сердечник, в момент перехода порождающий точечный импульс энергии и достаточно небольшой, но увесистый плоский металлический ящичек напичканный всем тем, что можно было ожидать увидеть в древних ламповых телевизорах и часовых механизмах, но никак не в устройстве связанном с телепортацией. Ящичек – а их по словам Чиффа добыли аж три – являлся хранилищем

координат. Если стеклянные колбы с запертой внутри энергией вставлялись в консоль сверху, то хранилище координат входило внутрь главной консоли заподлицо и надежно там запиралось. Надо было знать, как именно разблокировать запорный механизм и достать хранилище.

Итак, телепортационная установка в наличии, сердечник имелся, координаты – тоже.

Можно отправляться домой!

Именно так и решили луковIANцы, активируя собранную систему.

И тут и сработала защита от дурака, выведя на экран короткую и для луковIANцев уже легко переводимую строчку предупреждения, потребовав обновить хранящиеся внутри данные координат до актуальной версии. Слова там были иными, но суть именно эта – требовалось обновление. И пока координаты не будут обновлены, никакой телепортации не случится.

Да уж...

Когда Чифф, сконфуженно покашливая, описал этот момент, не забыв рассказать о *выражении* лиц луковIANских лидеров, понявших, что никакая поездка домой им в ближайшее время не светит, я еще сумел кое-как сдержаться, разве что тоже пару раз кашлянул, а вот Милена... ее скрутил приступ дикого хохота, перемежаемый сдавленными словами о айтишниках, багах и о чем-то или ком-то совсем уж специфическом.

Но да... ситуация сама по себе была крайне специфической. Нам сейчас смешно, а вот им в тот день явно было не до смеха...

Оправились луковIANцы быстро и приступили к тому, что умели делать лучше всего на свете – к терпеливому разбору случившегося на крохотные составляющие и рассмотриванию их со всех сторон под микроскопом. Как отметил Чифф на их планете так же кропотливо работали органы правосудия, разбирая любое преступление на мельчайшие составляющие, порой разбивая его на поминутные отрезки. Остальные луковIANцы поддержали это сравнение и добавили немало ярких деталей про их систему правосудия. Все это вполне убедило меня, что ими были использованы все возможности для снятия так называемой системы дурака.

Чифф, улыбаясь уже не смущенно, а грустно, признался, что они, несомненно, были готовы телепортироваться на свой страх и риск, получись у них вывести устройство в рабочий режим. Но не получилось, а последующие исследования, поиски здешних книг и инструкций на любых носителях, скоро дали четкий и ясный ответ – «сковырнуть» защиту не удастся.

Действовать придется строго по инструкции и причина проста – не существует вечных незыблемых координат.

Во вселенной вообще нет ничего незыблемого. Звезды гаснут и взрываются, планеты образуются и уничтожаются, про меньшие по размеру небесные тела и говорить не приходится. В довершение всех бед все вышеперечисленное не стоит на месте и постоянно передвигается в пространстве – включая и планеты, само собой. Да орбиту той же Земли просчитать достаточно легко и *мимо* планеты промахнуться можно только в том случае, если в результате какой-нибудь мощнейшей катастрофы вроде астероидного удара планета сошла со своего привычного пути. Но даже если все в порядке, если все небесные тела благополучно движутся по одним и тем нарезанным гравитацией дорожкам или не связаны с ней вовсе – при телепортации скажем в соседнее здание – существует еще такое понятие как благополучие локальных координат. Хотя этот термин не наш и не луковIANский – он принадлежит цивилизации наших похитителей. Как, чуть подумав, переименовала на наш родной язык Милена – доступность и безопасность локальных координат. Филимон тоже внес свою лепту, более чем мудро заметив, что самолету мало пролететь весь маршрут – надо еще благополучно сесть. И перед тем, как сесть пилот обязательно получает от диспетчера воздушной гавани все необходимые ему данные, в том числе подтверждающие, что посадочная полоса свободна.

Вот и тут точно также.

Телепортация крайне опасна как раз в точке «приземления».

Что произойдет, если некий человек предположим, привычным для себя способом решил телепортироваться в известную ему и специально для этого подготовленную точку в глубоко бетонном бункере, не зная, что произошел прорыв трубы или там подвижки в грунте и в результате подвал полностью затопило? Ответ прост – этот человек захлебнется и умрет. А если произошел обвал? Тоже смерть.

Что если точка на открытом пространстве?

Тогда опасностей еще больше, ведь на открытом пространстве куда больше непрогнозируемых факторов.

Фантазировать можно до бесконечности – этим и занялись мы все без исключения, с удовольствием потратив не меньше часа на безумные и довольно страшноватые предположения о самых страшных смертях и ситуациях для телепортирующихся наугад.

В мой личный «безумный» топ этих их фантазий вошли три совсем уж невероятные истории.

Первая о сильном сбое координат, в результате коего наш условный пассажир оказывается не на планете, а внутри орбитальной станции – ко вполне понятному шоку всех космонавтов. Эту версию озвучил Касьян, а затем вдруг признался, что всегда мечтал стать космонавтом.

Вторая история прозвучала от него же и заканчивалась куда трагичней – престарелый путешественник по причине сбоя координат оказывается внутри промышленной мясорубке на фабрике и, само собой, погибает, но при этом хотя бы «отдает» всего себя на благое дело. В конце подвыпивший Филимон закончил красивой фразой: «Так вот дедушка всех докторской колбаской угостил на собственных поминках!». Коротко хмыкнувшая Милена моргнула бородатому луковианцу напротив и тот, понятно кивнув, отодвинул подальше бутылку. Затем еще пришлось некоторое время успокаивать Филю, рвавшего рассказать другую версию той же «колбасной» истории, но с другим финалом, где на завод прибывает внезапная проверка ОБХСС, начинают подсчитывать вес пошедших по бумагам на производство колбасы составляющих и приходят к неожиданному выводу, что нехватка всего пятьсот граммов, после чего сердечно благодарят руководство фабрики за честность и обещают им переходящий красный флаг передовиков производства. И все они не видят, как над ними улыбается призрачный старый сиделец...

Третью историю – или четвертую, если считать «колбасные» версии за две? – придумал Чифф, предположивший, что по чистой случайности телепортирующийся девяностолетний старик оказывается живым и стоящим на парковой дорожке. Поднимает голову, улыбается солнцу... и снова телепортируется, оказываясь опять где-то в небе над снежными пустошами – потому что «приземлился» в точке, где один из похитителей только-только толкнул очередную жертву в спину и открыл «проход». Так старый сиделец невольно не дал испоганить чужую молодую жизнь...

На самом деле я запомнил куда больше этих смешных и грустных историй с преимущественно кровавым и порой нелепым финалом, но меня больше удивила разность этих придумок. Коренное различие между историями земными и луковианскими. «У нас» было куда больше юмора, пафоса и глупых смертей. А луковианцы придумывали истории, где каждая смерть что-то да значила.

После того как фантазия у всех иссякла, начался ожесточенный и псевдонаучный можно сказать спор, где в ожесточенном поединке столкнулось сразу несколько сторон. Прекрасное доказательство тому, что все не раз и не два задумывались об этой удивительной технологии, принесшей нас сюда. Спорили о мелком и крупном. Спорили даже о воздухе в месте прибытия – по мнению одного луковианца и Касьяна телепортация всегда была двухсторонней, потому как прикатившаяся колесная машина вытесняет воздух заранее, буквально отталкивая его и заставляя раздаться, обтечь со всех сторон. Но при телепортации движения нет. Ты просто – раз! – он сильным движением показал, как это происходит, едва не расплескав чай –

и появляешься. Воздух просто не успеет никуда уйти – и что тогда? Другие задумывались о том, что на самом деле оригинал уничтожается – а стало быть мы умерли – и заново создается уже на другой планете. Чифф говорил о сворачивании пространства, но затем начал применять термины своего языка, и я потерял нить, вернувшись к мыслям куда более приземленным и привычным.

Чтобы телепортационная установка заработала ей требуется картридж с актуальной базой данных координат. Как установка проверяет эту самую актуальность луковчанцы уже знали – внутри каждого металлического картриджа имеется очень своеобразный и совсем маленький механизм, напичканный крохотными шестеренками и находящийся внутри невероятно крепкого слитка из прозрачного материала, чью толщину пронизывают десятки тончайших искрящихся на свету проволочных волосков. Такое без повреждений не вскрыть. А вот законным способом перезапустить проще простого – если верить инструкции. Но для этого понадобится механизм благополучия координат, он же механизм актуализации.

Координаты координат...

Сама инструкция проста и состоит всего из нескольких пунктов.

Извлеки картридж с координатами. Доставь его к ближайшему механизму актуализации. Вставь в специальный паз. Если надо добавить новые координаты – выбери нужные и нажми кнопки. Затем дерни за рычаг. Дождись звонкого щелчка и короткого звукового сигнала. Извлеки картридж, после чего вернись с ним к телепортационной установке, вставь в паз и готово – можно отправляться.

Где находится ближайший механизм актуализации координат?

Луковчанцы знали ответ на этот вопрос, в буквальном смысле слова ткнув пальцем в разложенную на столе карту. На карте имелась и точка станции Пытливость. И расстояние между этими двумя точками было чуть больше пятнадцати километров, если брать по прямой линии. Вот только тут проблема не в дистанции, а в том окровавленном ледяном кляпе сераков, что лезут и лезут из дышащей ледяным туманом дыры в горе.

Вот для чего я нужен им. Я должен пробиться через пробку, нащупать верный путь через эти клятые ледники, после чего провести с собой малую экспедицию. И уже вместе с ними отправиться к механизму актуализации и обновить координаты. По возвращению, на станции Пытливость нас будут ждать не только луковчанцы, но и представители родного Бункера – для обеспечения безопасности нас землян ну и спокойствия ради. Хотя луковчанцы еще там в Бункере многократно повторили, что играют исключительно честно и главная их цель, как должно быть и наша – предупредить родную планету о происходящем. Но в любом случае о важных деталях они расскажут только в случае нашего предварительного согласия – по пути на станцию. Так и случилось. А когда я решил сделать следующий шаг – получил и следующую порцию информации, хотя до этого Чифф так долго и пристально вглядывался в мое лицо, что я заподозрил его в умении читать мысли и помыслы. Проверку я, видимо, прошел и вот, раскладывая пасьянс из носков, готовясь отправиться на первую серьезную вылазку в сераки. Само собой, пойду я без кожаной сумки с драгоценным механизмом – он будет и дальше лежать на столике, ожидая своего часа. Погибни я – и ему суждено лежать тут еще долго.

В этой затее смущало очень многое. Но отказаться я не смог еще в самом начале – ведь это означало отказаться от драгоценных знаний и возможности выбраться из этой снежной западни всем нам.

Шел ли я на смертельный риск? Да шел.

Доверял ли я безоглядно луковчанцам?

Чифф спросил и об этом. И получил мой предельно честный ответ – я вообще не особо кому-то доверяю. И дело даже не в двойных стандартах и тайных кознях. Нет. Просто людям свойственно меняться. Сегодня он полностью чистосердечен – а завтра он уже совсем другой и то, что было для него важным, вдруг теряет свою ценность и превращается в труху.

Поэтому в экспедицию я пойду, но пойду с оглядкой.

Чифф внимательно выслушал, покивал и, грустно улыбнувшись, признал, что во многом я прав, после чего добавил – есть то, о чем он не говорил никому потому как нет у него пока доказательств, а попусту говорить не хочет. И это связано не с луковианцами или землянами. Все куда проще и куда хуже. И поэтому он расскажет только мне, а моей уже задачей будет это проверить. Если его догадки подтвердятся...

Еще раз вздохнув, он наклонился ко мне ближе и торопливо забормотал, одновременно протягивая мне наполненную отваром крышку термоса...

* * *

Любые правильные, важные или просто злые мысли притихают и упорядочиваются во время долгой ходьбы. Многие знают этот секрет и успокаиваются именно таким правильным способом, вместо того чтобы срывать глотку в семейных ссорах или наливаясь желчью в углу дивана после несправедливого нагоняя от начальства. Походят так часик или два – да и перемелют зерно обиды в муку, не дав ему прорасти в древо ненависти.

Впрочем, сейчас обид у меня не наблюдалось, но в прежние времена этот простой бабушкин совет действовал исправно еще с детства – меня всегда бесили закоснелые и порой просто хотящие тебя обидеть взрослые. Способ работает и против тревоги или испуга, не давая им перерасти в терзающие внезапными приступами колючие хрусткие заросли панических атак, пускающих многолетние корни в мозгу.

И вот сейчас, осторожно шагая по хрусткому снегу и скрежещущим под стальными шипами льду, с каждым новым шагом я ощущал, как обуревавшие меня тревога и страх растворяются в шипящей пустоте внутри черепной коробке. Кажется, я вообще больше ни о чем не думал, полностью уйдя в интуитивный ломанный ритм неспешной ходьбы через сумрачный лабиринт гиблых сераков.

Сто метров позади. Осталось в два раза больше.

Из головы исчезли и мысли о том, какую игру ведут луковианцы и ведут ли вообще. Но я уже не думал о том насколько честны они в своей искренности, хотя склонялся к мысли, что проводить здесь какую-либо оценку просто глупо – Чифф и его младшие коллеги на станции пусть ценные, но всего лишь полевые работники. Их никто и не посвятит в истинные планы луковианских лидеров – ведь всем ушлым известно, что без использования вслепую в крупной игре не обойтись. Чифф вполне искренен со мной – я ощущал это, видел это и верил ему. Но я понимал, что решает не он, равно как и понимал, что вранье в таких многоходовках используется как смазка – чтобы нигде ничего не стопорилось и не скрипело. Обо всем этом я напряженно размышлял за несколько минут до входа в сераки и, примерно, еще минут так десять после. Но опасность и размеренные движения быстро вытеснили из головы ненужный сейчас хлам.

О чем думает тигр во время охоты? Да ни о чем...

Шаг за шагом я уходил все глубже, обходя высоченные ледяные глыбы с подсказанной программой стороны, на практике используя все советы из зеленого списка и всеми силами избегая любые пункты из красного. Оба списка были совсем небольшими, и я легко затвердил из наизусть, а сейчас повторял отрывки как мантру сразу же, как только видел что-то из них вживую перед собой.

Высокие тонкие валы из спрессованного снега между двумя ледяными пиками. Вал у меня на пути и выглядит так, будто я легко в этой тонкой преграде проход. Отставить. Этот вариант в красном списке – именно так погибли первые две экспедиции в сераки. Они решили пройти напрямую и пробивали себе путь через эти «пробки». Оказалось, что хрупкие на вид снежные «шторки» часто служат дополнительной опорой для сераков, под-

держивая временный хрупкий баланс. Стоит его нарушить и... из-под разом падающей ледяной глыбы уже не уйти живым.

Сквозная дыра в невысокой ледяной перемычке, по размерам вполне способная пропустить меня через себя. Лезть можно, но расширять отверстие нельзя – может привести к обвалу всей перемычки, а затем сверху рухнет ледяная могильная плита или сразу несколько.

Двухметровая заснеженная широкая площадка, зажата между несколькими ледяными глыбами. Так и манит к себе. Отставить. Под ней глубокая трещина. Инфа проверенная – трещина уже проглотила одного из старых исследователей, поверивших в безопасность коварной снежной площадки. В записях луковичанцев ее обозначили достаточно поэтично, а для Милены перевели как Яма Муравьиного Льва. Она даже пыталась ввести эти данные в карту сераков, но я решительно воспротивился, попросив вводить только конкретные обозначения вроде «трещина», «каменная плита» и прочие четкие названия. Я не могу позволить себе ломать голову над поэтичными названиями, пытаюсь сообразить, что они означают и какую опасность несут.

Еще одна дыра в тонкой полупрозрачной ледяной стене. Но отверстие внизу, а над ним покрытая забитыми снегом трещинами большая масса льда. Отставить. Чуть что – и мне на хребет упадет пару центнеров льда. Если ничего не сломает – то просто похоронит.

Аккуратно обойдя еще одну выглядящий столь нерушимым сухопутный айсберг, я оказался на своеобразном перекрестке, где, бросив взгляд на нашитый на левый рукав белый лоскут с жирной черной схемой, выбрал крайний левый проход и пошел дальше. У меня на рукаве была не карта, а просто черновая схема всей области, с четким указанием куда мне следует направить стопы в первую ходку.

Милена...

Она сделала не просто все возможное за кратчайшие сроки. Она вышла вообще за все границы возможного и не просто закончила поставленную самой себе задачу, а и расширила ее в разы, проделав такой объем работы, что будь мы там на Земле, а она нанятым фрилансером, я бы без раздумий предложил ей стать моим младшим партнером. Закончив, Милена, продолжая на ходу вносить мелкие правки, показала нам итог своей работы на пестрящем разноцветными пометками и цифрами экране ноутбука. Используя огрызок карандаша, она поочередно указывала на определенную область вытянутого ледника и поясняла, о чем говорили эти цифры. Седые старики в меховых жилетах и свитерах грубой вязки, пусть не чесали в затылках, но эта сцена выглядела в точности как на картинах советской эпохи, где деревенские жители впервые слушают просвещенного агронома или в городе встречаются со снизошедшими до них политическими фигурами. Но впечатление это было обманчиво – седые старики глядели внимательно, вопросы задавали дельные, вспоминали нужное мгновенное. В результате данных прибавилось. Были внесены изменения и наконец Милена презентовала итоговый результат – как раз тогда я подсел поближе и начал вникать.

Для начала – с боков к этому насмешливому ледяному языку не подступиться. Штурмовать придется в лоб, поднимаясь по склону. Движение навстречу неустойчивым ледяным каткам... Такая урезанная стратегия объяснялась просто – вылезая из горы масса перла не только вперед, но и в стороны. Именно по сторонам внезапные падения и сходы огромных глыб случались чаще всего. Плюс именно там обрамляющие это место крутые валы были выше, представляя собой то и дело проседающие и со звоном разлетающиеся груды битого льда. К тому же мало перейти валы – затем еще надо спуститься по четырехметровой ледяной стене, чья высота только повышалась по мере приближения к основанию ледника.

Сам ледник выглядел как разрезанная пополам воронка, широким горлышком направленная вниз. Чем ближе к ее «истоку», тем уже горлышко ледника, тем чаще движение глыб и тем меньше пространства между ними. Это самое гиблое место и обойти его не удастся. Про-

скочить нахрапом – тоже. У оснований сераков полно ледяного крошева и снежных навалов, поэтому придется в оба глаза смотреть, куда ставишь ногу.

Предсказать очередное смещение ледника невозможно, но это случается, как минимум пару раз в день. Любой здравомыслящий человек тут же посоветует ни в коем случае туда не соваться.

Все это выглядит делом гиблым.

Но есть нюансы. И как раз о них Милена и заговорила, «оживляя» определенные секторы. Мы слушали жадно, запоминая каждое слово. Сначала девушка указала на «зоны смерти», пояснив, что те, кто входил в ледник с правой стороны, погибали раньше всех, причем из-за внезапного и явно ими самими вызванного сдвига ледника, приводящему к эффекту домино. Чаще всего рушилась вся нижняя правая четверть ледника, в то время как остальные оставались неподвижны. Это свидетельствовало о какой-то определенной аномалии в этой области, но причина не так важна, как вывод – туда соваться не надо.

Для входа оставалась левая нижняя часть ледника, причем пара точек выглядела особо привлекательной. Милена повела карандашом по схеме ледника и остановилась на верхней правой четверти, после чего резко подняла кончик, уперев его в место, где начинался склон дырявый склон горы и «туманная» для нас внутренняя зона. Убедившись, что я все понял, она продолжила рассказывать нам о всех случившихся здесь смертях с такой интонацией, будто мы были прибывшими сюда новичками, а она проработавшим здесь полжизни ветераном. Из нее изливались запомненные мелкие факты, особенности гибелей, упоминая о точках, откуда они в последний раз выходили на связь и о том, через сколько их изуродованные останки были выброшены на нижний отвал. Не забывала она озвучить и причину гибели – и это было важно, ведь немалая часть ушедших туда стариков погибла не из-за сдвига ледника.

О некоторых многое было неизвестно, но как минимум двое переломали себе ноги, выползти не смогли и предпочли свести счеты с жизнью, отказавшись от спасательной организации. Одного зажал ледяной глыбой, и он остался цел, но придавило так, что он не сумел снять с пояса топорик и разбить глыбу. Еще один был обвязан за пояс веревкой и его смерть была особенно трагична – он ушел вглубь ледника, веревка свободно травилась за ним следом и... крайний нижний «клык» ледника вдруг сдвинулся, зацепил веревку, пропахал всего-то метра три прежде чем рухнуть и разбиться, но этого хватило, чтобы привязанного к другому концу старика протащило через острое ледяное крошево и убило. Следующая двойка запаниковала, не справилась с эмоциями там внизу в сумрачном ледяном тумане и начала лезть вверх. Дальше связь прервалась и еще через два дня их мертвые и почти целые тела показались из тумана, привязанные к туше медленной ползущей ледяной глыбе. Получается, они забрались, привязались... да так больше и не сдвинулись с места.

К этому моменту доклада Милены – а другое определение сюда и не подобрать – экран ноутбука был по вертикали поделен на три сектора. Обычный белый, потом желтый фон и наконец красный. Наибольшее количество текста о погибших было в первом столбце, потом по убыванию шел желтый и всего несколько строчек в красном. Закончив перечислять смерти из первой части, она заговорила о следующих и начала перечислять такое, что у меня невольно волосы зашевелились на голове, а Чифф встал, уперся руками в стол да так и застыл на следующие минут десять.

И дело не в самих смертях. Дело даже не в том, как они погибли.

Дело в частом упоминании тех двух слов, что абсолютно обыденны в речи обитателей снежных пустошей и встречаются очень часто.

Лед. Снег.

Вот эти слова. Лед. Снег.

Они здесь повсюду. Они встречают узника в самый первый день появления в промороженном летающем кресте. Они неохотно отступают на сорок лет, пока ты усердно жмешь

хотя бы первые два рычага, но вполне зримо остаются в поле зрения – там за кокпитом они повсюду. Свинцовые тучи изрыгают снег и ледяной дождь каждый день, внизу тянутся снежные пустоши, а злой ветер гонит над ними колкие снежные бури вперемешку с ледяными иглами. Все сорок лет заключения в голове узника пульсируют все те же самые слова – снег и лед. Ведь это, где он окажется сразу после освобождения и будет вынужден пробираться через торосы и снежные холмы до ближайшего убежища. Если сможет дойти, то скроется внутри теплой норы на остаток жизни и быть может уже никогда не покинет убежища. Разве что захочет стать охотником – и тогда снова столкнется с этими пугалами вживую. Но даже оставшись внутри убежища навсегда, ты не избавишься от снега и льда – из них топят воду для мытья и питья, в ледниках хранят мясо, по стенам у входа тянется снежная изморозь, стараясь забраться поглубже и вновь уколоть твою душу легким испугом...

И наконец ты настолько привыкаешь к снегу и льду, что просто перестаешь воспринимать их на слух как нечто абсолютно обыденное. Возможно, так к снегу относятся жители крайнего севера, где даже коротеньким летом можно наткнуться на снежное пятно на траве, а стоит копнуть, и лопата ударит о лед вечной мерзлоты.

Возможно, именно поэтому луковчанцы не обратили внимания на столь частую мелочь. Снег и лед.

Все, кто забрался особенно глубоко в лабиринт сераков и кто имел средства связи с базой, постоянно упоминали в своих докладах снег и лед. И, честно говоря, только после того, как Милена привлекла к этим упоминанием наше внимание, я заметил, что это действительно как-то необычно.

Почему необычно? Да потому что, когда человек идет по привычной ему местности, скажем, по асфальтовой дорожке в парке, комментируя при этом свое путешествие и описывая окружение, скорее всего он не станет упоминать саму дорожку. Он с упоением расскажет о красивом старом дереве, о большом замшелом камне, о указывающей куда-то табличке... но он не станет описывать асфальтовую дорожку под ногами или же упомянет максимум один раз.

И уж точно ты не ожидаешь от исследователей постоянного упоминания льда и снега. Не ожидаешь, но при этом пропускаешь мимо ушей, считая ненужной подробностью. Все это сохранилось лишь благодаря придирчивой старательности луковчанцев, записавших все переговоры вплоть до последнего слова.

У тех, кто добрался до желтого сектора, начинающегося примерно за сто-сто двадцать метров, звучало это примерно так: «Потихоньку иду дальше. Снег похрустывает. Ледяные бока блестят. Тут проход завален – снег и лед легли вперемешку. Очень красиво! Завораживающая снежная красота. Так... обошел большой пик справа. Он стоит крепко. На ходу веду рукой по льду. Дальше проход пуст – пройду свободно еще на три метра вперед. Снежная пыль падает сверху – хочется смотреть и смотреть...».

Запись от следующего погибшего, незадолго до последнего выхода на связь:

«Я где-то на середине, думаю. Устал, но больше от перенапряжения. Поел снежка и стало легче. Это детское ощущение, когда снег тает на языке и превращается в воду. Отломил кусок ледяного шипа и тоже отправил в рот похрустеть. Вкусно! Хотя перед этим покрутил его в руке – красивая штука! Сейчас еще немного отдохну и пойду дальше. Не теряйте меня...»...

Как верно заметила Милена, все эти записи куда больше подходят для описания обычной прогулки по снежному лесу, когда у человека нет никакой задачи и цели, а есть лишь желание наслаждаться природными видами вкупе с попыткой окунуться в далекое детство.

Но стал бы вести такой доклад передвигающийся в опаснейшем месте человек?

Очень сомнительно.

Луковчанцы отметили и род занятий тех, кто рискнул уйти в сераки и погиб там. Часть из них раньше была военными, другими пожарниками, спасателями или врачами. Понятно, что представители таких профессий не обделены фантазией и красноречием, но характерно

и то, что когда надо они умеют фокусироваться на главной цели куда лучше обычных людей. Они обучены фокусироваться. И во время прохода через сераки не стали бы тратить время на детское любование снегом.

Не стали бы... но все же сделали.

На это и обратила наше внимание Милена, равно как и на куда более важную и мрачную деталь – после того как упоминание снега и льда в словах разведчиков звучало все чаще, их доклады становились все сбивчивей, по отметкам слушателей дыхание становилось все чаще и тяжелее, а затем... тишина.

На этом Милена сделала паузу, выждала минуту, давая нам поразмыслить и продолжила с третьим столбцом, пару раз тихо стукнув по экрану и буднично заявив, что информации о «красных» исследователях нет почти никакой. Помолчав еще немного, она выдала итог своего впечатляющего доклада, выведя данные и на экран.

Зеленый сектор, начало длинного ледника, кончик языка – все смерти вызваны травмами различной степени тяжести. Много обрушений ледника. Немалая часть происшествий визуально зафиксирована наблюдателями с помощью биноклей и затем описана в тетрадах.

Желтый сектор, средняя часть длинного ледника – были визуальные обрушения глыб, после чего связь прерывалась. Почти все мертвые тела выброшены спустя промежуток времени в изломанном жутком виде. Почти всегда смерти случались после того, как в докладах появлялось регулярное упоминание о снеге и льде. Та запаниковавшая двойка, что привязала себя к глыбе и вместе с ней «приехала» к краю ледника уже мертвыми, последний раз выходила на связь с места, где условно начинается желтый сектор.

Красный сектор, область перед самым холмом, рядом с дырой, откуда выползает вся эта масса. Дотуда дошли единицы и на связь уже не выходили – мешали помехи. Как они погибли неизвестно. Обрушений примерно в это время не было, но они были позднее и примерно в той же области. Всего два тела – наверное – вернулись к краю ледника в виде разрозненных сплюснутых фрагментов.

Когда Милена окончательно закончила доклад, в помещении повисла настолько мертвая тишина, что девушка просто не выдержала и излишне громко заявила:

– Так что ваш вывод о том, что исследователей убивают только сход и падение сераков является абсолютно неверным. Вы ошиблись, уважаемые ученые!

Ох как красиво это было сказано...

И снова непрошенные ассоциации со старыми картинками, где на всеобщих заседаниях, юные талантливые дарования в пух и прах громят не прошедшие испытанием временем и логикой теории уже седых ученых мужей, смиренно сидящих в зале и молча смотрящих как с грохотом рушится все придуманное и вроде как даже железно доказанное. Меня всегда интересовал вопрос – о чем они сейчас думают, зная, что потратили годы и годы впустую...

Здесь все было не так масштабно, но впечатляюще.

Убедившись, что эффект достигнут, Милена кивнула, сделала пару глотков остывшего чая, вытащила из чужого портсигара сигарету, шелкнула спиртовой зажигалкой, выдохнула струю дыма над нашими головами и продолжила:

– Это был систематизированный наглядный негатив. Теперь перейдем к сдержанному позитиву. Переходим?

Кашлянув, Чифф медленно опустился на свое место и медленно кивнул:

– С большим удовольствием, госпожа Милена. Знаете...

– Да?

– Если однажды вам вдруг надоест родной бункер, то можете быть уверены – мы с радостью примем вас очень хороших условиях.

Милена смешливо сверкнула глазами:

– Вот спасибо. Но нас и там неплохо кормят, как сказано в одной потрясающей старой истории. Итак! Позитив! Его мало, но он все же есть. Начинаю перечислять.

Она начала загибать пальцы:

– Первое – дальше всех продвинулись самые молчаливые. Звучит достаточно бредово, но это зафиксированный факт. Глубже в ледник зашли те, кто почти не выходил в эфир, а выходя на связь, отделялся несколькими словами.

Второе – почти все наиболее успешные разведчики были землянами. Если конкретней, то счет три к одному. Пять землян на одного луковианца. При этом, как я уже выяснила, тот луковианец в прошлом был знаменитый восходитель на различные вершины и просто экстремальный путешественник. Есть еще двое луковианских разведчиков, показавших себя в леднике очень хорошо, но они не сумели покинуть желтый сектор, хотя почти прошли его. Для нас это хорошо – ведь Охотник с Земли. Ну или во всяком случае я так надеюсь, ведь он у нас мужик чересчур таинственный и мы даже имени его настоящего не знаем.

Я улыбнулся в ответ и потянулся к тому же многострадальному портсигару, выцепив себе самокрутку, а на обратном движении стянув со столешницы и зажигалку.

– Третье – из некоторых докладов я вычленила кое-какие повторяющиеся описания, разделила их на отдельные группы, чтобы с уверенностью идентифицировать по некоторым внешними признакам и соотнести с достаточно четкими и неизменными координатами, которые – поймав наши помутневшие взгляды, Милена тяжело вздохнула и сказала проще – Не все в леднике меняется! Есть и кое-что неизменное – и оно послужит нашими зацепками. Системный тщательный подход, господа! Вот что поможет сохранить жизнь нашего отважного разведчика. А если к этому добавить одну мою идею, то... Слушай, Охотник... а может ты не станешь тащить с собой запасные портянки и возьмешь кое-что куда полезнее? – выдержав ее откровенно взбудораженный взор, я спокойно кивнул:

– Легко.

– Отлично... тогда пусть кто-нибудь принесет из вездехода мою вторую сумку. Кто-нибудь еще молодой, сильный и даже не...

Вздыхнув, я передал тлеющую сигарету Филе и поднялся со скамейки...

На этом ничего не кончилось. Следующие немало часов мы все провели в этой комнате, до хрипоты споря, чертя и стирая маршруты прямо на столе, затачивая и снова исписывая драгоценные карандаши, ставя чернильные кляксы на обрывках бумаги, скуривая сигарету за сигаретой, что-то жуя, чем-то запивая, порой ненадолго отключаясь на ближайшей койке, чтобы внезапно подскочить и сходу влиться в не утихавший спор с таким жаром, будто и не спал еще пару минут назад. Несколько раз пришлось все хорошенько проветривать, запуская в помещение не только ледяной свежий воздух, но и радостно рвущийся к нам шепот далекого Столпа. Но всем было плевать на шепот. Мы продолжали спорить и орудовать уже не только карандашами, но и ножами, кромсая шкуры и прикидывая сколько и чего могущего пойти в дело находится в вездеходах и кладовках. Луковианец радист вышел на связь и на своем языке толковал с ближайшим бункером...

У меня была с собой рация. Но я к ней даже не прикоснулся и все это время она была не просто выключена – из нее был извлечен аккумулятор, сейчас хранящийся у меня в тепле под одеждой. Имелось выбранное нами время для выхода на связь, но еще до первого сеанса я должен был добраться до нужной нам первой точки.

На это у меня ушло больше часа – при плевом расстоянии, если мерить по прямой. Но если взять мой запутанный обходной маршрут, добавить к этому все мои попадания в забитые снегом тупики и осторожный отход назад, то получится довольно внушительная дистанция. Внушительная и утомительная – здесь почти не имелось ровных мест. Все время приходилось либо взбираться по сцепленным между собой обломкам, либо спускаться. Зажатый

в руке шест то и дело опускался на очередной снежный пяточок и нередко пробивал верхнюю корку, чтобы с хрустом уйти гораздо глубже. Некоторые снежные валы оказывались внутри пустыми, легко поддаваясь под нажимом сапога. Каждый раз я отдергивал ногу и с помощью зажатого в руке фонарика спешно проверял очередную каверну. Чаще всего находил очередную трещину и отмечал, что она была пуста. Да и под снежными пяточками на глубине больше полуметра начиналась пустота. Такое впечатление, что испещрившие дно ходячего ледника трещины всасывали в себя снег и лед подобно природным пылесосам, хотя по всем законам природы их давно уже должно было забить спрессованной массой до отказа.

Дважды я оказался на грани смерти – и оба раза произошли с интервалом буквально в несколько минут. Сначала прямо передо мной от ледяной стены надо мной с треском оторвался солидный кусок, острым краем вонзившийся в снег в шаге от меня. Я инстинктивно шагнул назад и в сторону, уходя с проверенной дорожки и... уведенная назад нога резко провалилась, а я сам начал заваливаться. Спасла только ловкость и сила мышц, позволившие сохранить равновесия стоя на одной ноге. Удержавшись от упирания шестом в ледяную стену рядом с подлой трещиной, я вытянул ногу и задумчиво глянул на вспоротую штанину. Это поработали ледяные изломы трещины, ничуть не зализанные временем и проходом на дней ледяных гор.

Выжидая, когда пульс успокоится, я сдержал порыв зажечь фонарик – до этого я пользовался им лишь для создания коротких световых импульсов. Мы резонно решили, что раз уж будем пореже выходить на связь, то это должно казаться и световой демаскировки. Да звучит глуповато. И Чифф клялся и божился, что здесь нет ничего живого – ведь они регулярно проверяю курящиеся туманом отвалы, просеивая лед и доставая куски мерзлых тел. Ни разу им не встретился даже крохотный снежный червь, не говоря уж о медведях. Здесь на краю нашей вселенной жизни нет – в этом он уверен.

Ну... мы все же решили не рисковать. Опять же экономия драгоценной батареи.

Сделав очередной шаг – в рваную штанину начал заползать холод и следовало поторопиться – я даже не дыша миновал удивительное и опаснейшее место, где высилась ледяная дырявая колонна, больше всего похожая на еще стоящий столб из деревянных блоков игры дженга. Только тут блоки были ледяными и вроде как спаянными друг с другом, хотя все равно конструкция выглядела настолько ненадежной, что я боялся задеть ее даже краем рукава. Проскочив, тут же свернул за коренастого толстячка, обогнул его, перешагнул открытую трещину, не заглядывая, аккуратно поднялся на хрустящий ледяной язык отвала, обошел накренившийся столб, краем глаза заметил какое-то смазанное движение и, резко ускорившись, парой прыжков преодолел оставшееся расстояние, буквально влетев в более густой сумрак. За спиной послышался резкий треск, потом еще один и наконец все сменилось долгим прерывистым грохотом. Прижавшись к подрагивающей стене спиной, я зажег фонарик, поднял его к небу и яростно замахал им, пытаясь пробиться лучом через поднявшееся густое снежное марево. Наверняка затея бесполезная, но я хотел успокоить наблюдающих за мной стариков и Милену.

К спрятанной батарее я потянулся только после того, как утих последний треск и ледник снова погрузился в сонное состояние. А ведь это я его «оживил» – когда обходил столб, мой сапог пробил жалобно звякнувшую ледяную «струну» у земли. Я просто не успел подправить траекторию ноги. Но и подумать не мог, что такая мелочь сыграет свою губительную роль – там, где я только что был, в свете фонаря был виден лишь наваленный кучами битый лед.

Когда загорелся зеленый огонек, я вжал танкету и сообщил:

– Я в порядке. И вроде как на месте.

– Ох – выдохнул пробивающийся сквозь помехи голос Милены – Слава богу! Мы уж думали.

– Не думайте – хмыкнул я – Ждите.

– Ждем. Осторожней там! Пожалуйста.

– Я постараюсь – пообещал я и щелкнул выключателем.

Убрав рацию в глубокий внутренний карман и прикрыв клапаном, я вытащил из поясной петли небольшую кирку и начал простукивать приютившее меня углубление в том, что пригнулось у самой левой стены «воронки» ледника и выглядело высоким обломанным сераком, но им не являлось, если верить накопившимся за годы наблюдений небрежным зарисовкам и очень редким фотографиям. Удивительно, но это снова Милена постаралась, сфотографировавшая вообще все фотографии и зарисовки, включая любительские, загрузившая их в программу, подогнавшая по размерам, подправившая чуть ракурс и наложившая все это друг на друга. Ледник был в постоянном движении. Он ломал и ломал себя, все время сдвигаясь вниз по склону, обрушивая и таща тонны льда. Каждый день его карта менялась на новую и уникальную. Ни одна из его точек не должна была оставаться неизменной. Но Милена нашла аж три такие точки и все они находились у стен воронки ледника на разных ее сторонах. При этом точки не были самыми высокими и большими из сераков, хотя походили на них во всем. Они были прикрыты ниспадающими снежными потоками и тенью склонов, что даровало им невидимость. Но от взора пытливой женщины им скрыться не удалось. Мы не были уверены, но проверить стоило однозначно – особенно после того, как Милена изложила свой план и похвасталась недавно доведенным до ума изобретением. Так вот и поверишь в мелочи судьбы...

Кирка пробила лед и с лязгом отскочила от скрывающего под ней темного камня. Я не сдержал радостно вскрика – она была права! Недалеко от стены, примерно в трех метрах от зловеще похрустывающих непроходимых высоченных снежных валов, куда постоянно стекался и стекался мелкий снежный мусор, чтобы добавить массы, затем критически превысить ее и сорваться вниз небольшой лавиной, высился лишь прикидывающийся сераком каменный толстый палец. И теперь мне надо найти способ взобраться на его вершину – причем с этой «подветренной» стороны, чтобы не угодить под следующий удар прибывающих глыб. Парой ударов отбив ледяную корку, я обнажил камень и почти сразу обнаружил заполненную снегом трещину. Стоило его выскрести и у меня появилась первая ступенька...

– План откровенно авантюрный – пробормотал я, начиная откалывать лед выше – И ведь окажись я на Земле и расскажи кому – не поверят...

Подъем занял еще час. Можно было бы и побыстрее, но рисковать я не хотел и все делал с неторопливостью сытой улитки. Стоило подняться на вершину и в лицо ударил злой свистящий ветер. А ведь эти резкие обжигающие потоки тоже помогают леднику двигаться, используя сераки как паруса лодок самоубийц. Выбив глубокую выемку в снежной шапке, я уселся, выбил рядом кирку, вытащил рацию и, глядя на мигающие огни, что оказались так до смешного близко, спросил:

– Видите меня?

– Видим! – ответила радостным криком Милена, а на ее фоне прозвучали крики остальных.

Свет замигал чаще.

– Что там, Охотник?

– Каменный толстый шип – ответил я – Как я понял у него треугольное неправильное сечение. Острым краем направлен в сторону идущих к ним глыб – он их отталкивает и раскалывает, не давая ударить по себе всей массой.

– Так вот и устоял! – возбужденно прохрипел перехвативший рацию Чифф – Настоящий ледокол! Вещь не потерял, Охотник?

– Не потерял – хмыкнул я – Как предупрежу – прячьтесь в укрытии!

– Ждем!

Чуть повозившись, я снял со спины сверток из кожи медведя и уложил на колени. Неспешно развернул и невольно покачал головой, глядя на... арбалет. Милена пообещала...

и сделала... Не слишком большой, но сильный. Я уже произвел из него тридцать тренировочных выстрелов, а также прошел быстрый курс начинающего бойца, научившись чинить мелкие проблемы. Умел взводить и заряжать, что и проделал сразу после того, как потратил кучу сил и времени на то, чтобы вбить в камень два длинных стальных штыря с кольцами на конце. И только после этого я вытащил из еще одного свертка, чуть встряхнул и опустил на снег огромный моток тройной шерстяной нити, прикрывая его телом от ветра.

Поднеся к губам рацию, предупредил:

– Прячьтесь!

– Давай!

Подняв арбалет, я навел его на самый яркий огонь лампы и нажал спуск. Щелкнуло, свистнуло и пронзительно завизжало, когда унесшаяся во тьму стрела утащила с собой метры и метры шерстяной нити.

– Сделано – поведал я о своем достижении и принялся заворачивать арбалет в свертки. У меня были еще болты, но стрелять смысла не было – шерстяная нить только одна. Если недолет, обрыв или еще что – надо будет возвращаться и повторять весь утомительный и опасный процесс с самого начала.

Ждал я недолго. Не прошло и минуты, как затрещавшая рация ликующе взорвалась:

– Есть! Вроде целая нить.

– Отлично.

– Мы удлинили и поднимаем ее! Жди!

– Принято.

Я не видел, но знал, что сейчас вверх по склону удлиненную нить поднимает несколько стариков. Поднимает так, чтобы нить полностью поднялась над сераками и больше не касалась их.

– Готово!

– Веревку привязали?

– Все сделали. Начинай тянуть.

Чуть дрожащей перчаткой я потянул за трепещущую в злых порывах нить и медленно начал тянуть, ощущая неслабое напряжение. При любом рывке я тут же ослаблял нить, а затем снова натягивал. Прямо как рыбалка, только на кону куда большее... Вытягивал я долго. Потерял счет времени, что-то шепча в шарф на лице. Я даже не сразу понял, что сжимаю уже не нить, а веревку чуть толще.

– Есть! – сообщил я.

– Тяни дальше!

На этот раз дело пошло куда веселее и вскоре в моих руках оказался конец толстой плетеной веревки, на которую ушли вообще, что могло на нее пойти. Убедившись, что этот этап успешно завершен, я закрепил веревку на вбитых в скалу стальных кольях, все проверил и, не скрывая радости, крикнул в рацию:

– Сделано! У нас есть воздушная переправа!

– У-р-р-р-а-а-а! – завопила Милена и к ней присоединились и остальные.

Что ж... только что одна из глубинных точек длинного ледника оказалась связана со станцией Пытливость воздушной канатной переправой. И я буду первым пассажиром, кто сейчас привяжется к ней и отправится в тестовый путь, чтобы через часов двенадцать вернуться обратно и проверить следующую нашу теорию.

Глава четвертая

Левая и потенциально каменная стена ледника – вот куда были устремлены наши помыслы и брошены все силы. Она находилась в шести метрах от «заарканенного» нами каменного треугольного клыка. Стена практически отвесная, но изъятая еще не затянувшимися порезами и глубокими выбоинами, показавшим, что накопившийся тут за годы ледяной панцирь достаточно толст и подходит для наших целей. Там у «устья» ледника стена была слишком низкой и постоянно подвергалась страшным ударам дробящихся и трущихся о нее ледяных глыб, ломающих ее и тут же заполняющих проломы собственной массой. Выше к истоку ударов опасных ударов тоже хватало, но здесь стена была куда выше и крошащиеся сераки бились о нее ниже «ватерлинии». Она подходила для наших целей.

А цели несколько изменились.

Все началось с моего простого вопроса, поставленного перед луковичанцами.

Спросил я следующее: Чего именно мы хотим от ледника? Просто побывать там раз и при удаче воровато вернуться? Или же мы хотим протоптать туда хотя бы отчасти безопасную дорожку?

И я не случайно использовал «мы», прямым текстом сообщая, что раз уж земляне принимают участие в этой аванюре, то мы имеем право на некую долю. Пока неизвестно от чего именно, но свою честную долю мы определенно получить желаем.

Первоначальный их ответ был ожидаемым и по первому варианту – просто побывать, обновить координаты и вернуться. Таков идеальный план с последующей телепортацией на родную планету.

Я рассмеялся.

Да, не спорю, когда я первый раз услышал об этой затее и наспах вник в ее суть, меня тоже захватила эта мысль.

Путь домой!

Но поостыв, поразмышляв, я начал понимать, что все это выглядит большой детской фантазией, наивной до такой степени, что на вкус воспринимается как чашка чая с десятью ложками сахара – приторной до тошноты. Еще с детства у меня такое вкусовое восприятие любой наивной идеи. Как только слышу хоть что-то излишне упрощенное, где все подается как дело плевое и яйца выеденного не стоящего – так сразу лицо кривит от разливающейся во рту дикой приторности.

Порой у меня сознание еще не нашло недочетов, а подсознание уже все пережевало и вовсю посылает сигналы. Это не раз и не два выручало меня в предпринимательском прошлом. Сколько раз я слышал чье-то вроде как разумное инвестиционное предложение с подробно расписанными этапами, четко обозначенными затратами и последующими прибылями. И вроде все из услышанного нравилось. Но тут рот переполняло большой сладостью, и я мгновенно закруглял переговоры категоричным отказом, а потом уже разбирался что именно меня настораживало.

Даже если сразу не находил проблемных мест, то потом до меня доходили слухи, что тот или иной бизнесмен крупно прогорел на этой идее. И не всегда затея глупая – просто ее намеренно или по собственной глупости подают как необычайно легкую и стопроцентно успешную. А это ошибка. В этом мире лишь смерть дело простое – и то только для успешного, а не для его родственников, которым его придется хоронить. А уж в бизнесе найдется немало тех, кто любую идею постарается зарубить на корню или поставить максимум подножек и барьеров – иногда это конкуренты, иногда завистливые, иногда хотящие непомерных откатов или просто тупые чиновники, не хотящие ровным счетом ничего делать. И ты ведь это знаешь

из собственного опыта, заранее просчитывая возможные сложности и... мозг через вкусовые рецепторы посылает сигнал.

Этому я научился от бабушки. Но не от моей мудрой и родной, а от соседской – той, с чьим приезжающим на лето внуком я играл почти каждый день. В то время мой мирок был совсем крохотным, но ярким и поэтому запоминающимся. Тот ранний вечер я помню с фотографической четкостью. Мы сидели в летней кухне после игры в футбол. Лето уже заканчивалось. Моя бабуля отправилась на ту сторону деревни, прилегающей к достаточно оживленной трассе – торговать огурцами свежими и малосольными. Лето выдалось урожайным и наши теплицы ломились от зеленых крепышей. Я отвез бабушке тачку с товаром, проследил за тем, нет ли рядом алкаша Демьяна, что обычно был безобиден и лишь клянчил рублей двадцать, но по пьяни бывал агрессивным. Потом уже вернулся к футболу, и мы здорово там набегались, прежде чем усесться на кухне за застеленным старой липкой клеенкой столом и начать уплетать печенье. В это время бабуля моего друга хлопотала там же, успевая приглядывать за свекольником, за шипящим на сковороде луком, за закипающим чайником и ни на секунду не умолкая. Говорила она, сам собой, только про любимого внука, уже полностью выстроив его будущую жизнь в своих мыслях. Говорила она примерно следующее: вот он уже подросток, сейчас самое время освоить игру на пианино, затем он за год освоит на хорошем уровне английский, а параллельно будет ходить на самбо, где быстро станет лучшим борцом и его, конечно же, будут возить на все соревнования без исключения и он завесит всю комнату в детской своими золотыми блестящими медалями. Еще через год, после того как станет лучшим учеником в школе, внуку пора обратить свое внимание на футбол – ведь у него настоящий талант и очень сильные ноги. Каждая бабуля мечтает о хорошем будущем для своего внука и все это я уже слышал не раз. Моя бабушка говорила немало такого же, но была и разница – она не просто сотрясала воздух, а разговаривала именно со мной, вдальбывая в голову и при этом через каждые десять слов напоминая, что достигнуть можно почти любой цели, но дастся это лишь тяжелым и упорным трудом.

Помни внучек – ради успеха в жизни трудиться надо! И трудиться на совесть, а не абы как!

Вот ее навсегда запомнившиеся слова.

Тогда как хлопотавшая на кухне старушка, радостно улыбаясь, утирая с морщинистого лица пот висящим на шее полотенцем, стряхивая капли пота на сковороду с шипящим луком, говорила совсем иначе. Все-то ее внуку дастся с первого раза. Все то у него получится мгновенно и легко. Все то будут ему завидовать. И пусть мол он не сомневается – он у нее такой умный и спортивный, что на все занятия будет тратить не больше двух часов в день, а потом играй хоть заиграйся, веселись до упада...

Вот как раз в этот миг она и поставила перед нами граненые стаканы с крепким деревенским чаем – почти черным, с толстыми кусками лимона плавающими у ложки и толкающимися в стенки. Мне, конечно, достался край лимона – тот, где раньше был черенок. Одна толстая корка и почти никакой кислой мякоти. Другу, само собой, положили лучший ломтик лимона, но он этого не заметил, потряхивая пухлыми щеками и внимательно слушая светлейший прогноз бабушки о его будущем. Он уже верил. А я сделал глоток и... меня перекивало от невероятного передоза сахара. Его было столько – сахара – что я не сумел ощутить ни вяжущей крепости чая, ни кислинки лимона. Приторно! Жутко приторно! И на это ощущения продолжал литься направленный на чужую голову медоточивый поток сладких обещаний... А я тихонько отодвинул стакан и потихоньку сполз со скамейки, решив отправиться за бабушкой, а по пути хлебнуть водички из ведра на срубе колодца...

С тех самых пор у меня и появилась такая вот особенность восприятия.

В один из вечеров на станции Пытливость, еще задолго до первой вылазки в сераки, когда все укладывались спать после очень долгой и нудной подготовки всего необходимого снаряже-

ния, а я предельно выспался, мы с Чиффом и Миленой сидели за дальним столиком, подкрепляясь мясом и подквашенным местным травяным салатом – еще одно прекрасное и нам неизвестное блюдо. Хотя уже известное – я не только вытребовал довольно бесцеремонно рецепт, но и заставил Касьяна продиктовать его в Бункер, а затем получил оттуда подтверждение, что кулинарная инструкция дошла и до Холла.

Вот тогда-то Чифф и ответил на мой вопрос о главной сути всей затеи.

Разовая вылазка или все же протоптанная разведывательная тропа?

Ответ был следующий: разовая вылазка.

Эти слова я еще воспринял нормально. Но тут Чифф продолжил живописать все наши радужные перспективы. Как мы быстро узнаем точное местоположение механизма актуализации, вставим без проблем блок, обновим данные и благополучно вернем их сюда на станцию, а затем отправимся к станции телепортации...

Я дослушал до финала и... сморщился от фантомной приторности на языке. Даже не стал пытаться скрыть перекривившей мое лицо гримасы. И в ответ на закономерный последовавший вопрос, начал излагать то, как это дело вижу я.

Не получится у нас ничего из этого. Вот так нахрапом – не получится.

Почему?

Да потому что мы не в сарай к пьянчуге фермеру лезем за курицей тощей. Мы собираемся пробраться как минимум на режимный объект. Хотя на самом деле это военный объект. Да мы не знаем, что там у истока ледника, но ведь механизм актуализации точно не там находится. До него еще километры. И наверняка там будет хотя бы закрытая на замок комната и возможно несколько охранников. Могут быть и другие системы безопасности. На таком объекте даже трансформаторные будки должны быть под охраной. А тут система обновления координат – среди которых найдутся и особенно секретные.

В общем... бред это все, Чифф, ты уж не обижайся. И действовать надо иначе – ведь продолжать сидеть здесь в ледяной банке подобно седым паукам тоже не дело. Но действовать надо иначе – я еще толком сам не знаю как, но иначе. Хотя кое-какие соображения у меня есть – постепенно, медленно, вдумчиво, с возможностью мгновенного отступления на безопасные позиции, с долгой и тщательной разведкой.

Тогда-то в дело и вступила вдруг оживившаяся Милена, с ходу меня поддерживавшая и пообещавшая в своем скором докладе рассказать кое-что очень важное и вполне вписывающееся в мои критерии.

Так вот и родился наш совсем иной план, несколько спутавший карты луковичанцев...

Первым этапом плана было достижение стабильной точки ледника, ее оценки, карабканье наверх и попытка организовать воздушную переправу.

Мы справились. Именно мы. Пусть я был на острие, но без верной дельной команды такое дело не провернуть.

Настала очередь второго этапа...

* * *

Как перебраться через пятиметровый вал шевелящегося и то и дело сползающего вниз битого стекла?

Я не случайно мысленно сравнивал лед со стеклом – внешне так и было. Ни один осколок не слипся с другим и свободно скользит в любом направлении, плюс все это пересыпано снежной мельчайшей пылью. Толкни ногой небольшую горку у подножия склона – и она мгновенно расплзается во все стороны. Начинаешь взбираться, стараясь шагать только по крупным глыбам упавших сераков, но и они начинают сначала подрагивать под ногами, а затем резко рушатся вниз – само собой, увлекая меня за собой. Краткий миг невесомости, сквозь туман

и пыль я лечу вниз на ледяные шипы и... с резким визгом тонкого троса останавливаюсь, после чего несусь по дуге к каменному зубу и с силой ударяюсь о него выставленными ногами.

Делаю пару шумных вдохов-выдохов, оцениваю свое состояние и в зависимости от него бросаю в рацию то или иное слово. Если у меня еще есть силы и запал – меня опускают, и я бреду обратно к валу, обходя ледяные валуны, прислушиваясь к скрипу и рокоту кочующих сераков и выглядывая другую тропу на вершину вала. Если чувствую, что мне необходима передышка, то с помощью троса взмываю на вершину, где меня подхватывают две пары крепких рук и усаживают в снег.

Мы едва помещаемся здесь втроем – я, Филимон и Чифф. Хотя последние два участника постоянно меняются вот уже вторые сутки. И тут дело не в старости, а в усталости чисто психологической – на них ответственность за мою жизнь. Рядом с ними закреплена на стальных кольях небольшая ручная лебедка, снятая с вездехода. Ничего особенного – металлический барабан, большое поворотное колесо, примитивный стопор с шестерней и тонкий крепкий трос. Его держат в постоянном натяжении и это спасает, когда я в очередной раз теряю опору под ногами и лечу вниз. Как только это случается – они наваливаются на лебедку и начинают крутить барабан, вытягивая меня и спасая как минимум от ушибов. Но уже пару раз спасали и от смерти – раз я летел грудью точно на непонятно откуда взявшийся вертикальный ледяной шип высотой в метр, а во второй раз я даже до вала не дошел, как меня с силой потащило за шкурку обратно. И едва я дотащился до каменного клыка, там, где я только что был, удивительно бесшумно скользнула в тумане плоская ледяная плита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.